

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

НЕСЫВАЛОЕ
НЕКЗБЕЖНО

Annotation

Загадка плато Путорана на Среднесибирском плоскогорье взбудоражила общественность: неизвестный объект, похожий и непохожий на НЛО, появившийся у озера Виви, пропавшая техника, исчезновение людей, срочно организованная научная экспедиция с участием военных. И никакой информации. Журналистам оставалось только гадать и делать самые смелые предположения. Но ситуация оказывается еще более невероятной, в чем скоро предстоит убедиться Назару и Леонтию Хромовым, братьям, офицеру и ученому, ставшим участниками экспедиции в Сибирь. И не просто убедиться, а стать непосредственными участниками событий, которые соединят в себе далекое прошлое Вселенной и возможное будущее человечества...

Василий Головачёв

Небывалое неизбежно

*Посвящается Владимиру Ивановичу Савченко, писателю и
человеку*

Композиция 1

Что-то происходит...

Он появился из глубин космоса неожиданно, пронзив половину Солнечной системы и буквально врезавшись в Луну. Относительная скорость столкновения объекта, невидимого при движении, и спутника Земли составляла около трёхсот километров в секунду, но на объекте это не сказалось никак, зато лунная поверхность отреагировала, оказавшись в зоне неизвестных физикам Земли сил. То есть часть верхнего слоя Луны в районе Моря Дождей просто исчезла (на испарение этот процесс походил только внешне), освободив подповерхностную каверну с газом, и возможно, именно это обстоятельство позволило объекту сделать рикошет, в результате которого он понёсся к Земле, хотя и с гораздо меньшей скоростью...

* * *

Ночь пятого июня выдалась безоблачная, и Костя Рябченко задержался в обсерватории чуть ли не до утренних часов, переживая счастливые минуты созерцания звёздного неба и Луны, превратившейся в довольно узкий серп третьей четверти после полнолуния.

Молодой человек всего два года назад окончил Государственный институт геодезии и картографии и устроился в обсерваторию Иркутского планетария рядовым астрономом, мечтая когда-нибудь стать главой одного из российских астрономических центров. В настоящее же время основным видом его деятельности было максимально детальное картографирование Луны, а точнее — области Моря Дождей, и Костя с увлечением занимался этим не сильно творческим делом, изредка позволяя себе отрываться от рутинной работы на «таинство общения со звёздами».

Работа современных астрономов довольно прилично отличается от работы астрономов древности и даже двадцатого века, несмотря на использование телескопов с окулярами и всех конструктивных особенностей рефракторной и рефлекторной техники. К моменту повествования на помощь астрономам пришла «цифра», компьютеры взяли на себя терпеливое изучение неба, и у специалистов отпала необходимость часами напролёт прижимать глаза к окулярам телескопов, чтобы наблюдать за поведением звёзд и планет. Как правило, изображение участка неба передавалось на экраны следящих систем, и наблюдателю можно было с комфортом устроиться в кресле перед экраном, не напрягая ни зрение, ни позвоночник.

В распоряжении Кости был старенький Цейс-150 системы Кадэ, рефрактор^[1], но и он, будучи оцифрованным, передавал изображение на экран, который являл собой провал в небо, где сияли звёзды и красивый полусерп спутницы Земли. Мешали восприятию «провала» светящиеся линии координатной сетки, выделенной компьютером для удобства картографирования, но сетку можно было выключить, что Костя и собирался сделать перед тем, как закончить ночное бдение. Тем более что Луна стояла низко, и атмосфера Земли мешала разглядывать мелкие детали рельефа.

Тихий гудок с пульта управления телескопом заставил его встрепенуться.

На квадрате лунной поверхности в районе Борозды Гадлея, похожей на извилистую реку, — русло было проложено каналом лавы десятки миллионов лет назад, его даже якобы осматривали астронавты «Аполлона-15» в тысяча девятьсот семьдесят первом году, а в нынешние времена, год назад, рядом с ним начали строительство лунной базы китайцы, — загорелся красный огонёк.

— Отмечаю аномальное явление, — приятным голосом заговорил компьютер обсерватории.

— Где?! — не сразу сообразил, о чём идёт речь, расслабившийся астроном.

Звёздочка на серпе Луны замигала чаще, превратилась в окружность.

— Район Борозды Гадлея, в пяти километрах от китайской станции «Тяньгун Шиз».

Изображение участка Моря Дождей скачком приблизилось. Стали видны бугры и рытвины по обе стороны Борозды, небольшие кратеры и маленькое белое облачко над одним из них, буквально в сантиметре от сверкающих металлом модулей китайской станции. Облачко расширилось на глазах и таяло. Через минуту оно растаяло совсем, оставив после себя вмятину приличных размеров — не менее четырёх километров в диаметре, напоминающую по форме отпечаток баранки.

— Ни фиги себе! — опомнился молодой человек, почесав в затылке. — Ну и что это может быть?! Китайцы бомбу взорвали?

Компьютер промолчал. В его программе отсутствовал императив бесед с пользователями обсерватории.

Захотелось позвонить кому-нибудь, несмотря на позднее или, скорее, раннее время. Всё-таки он мог быть первым, кто наблюдал сейчас новое явление на Луне, может быть, даже — лунный вулкан, который могли назвать вулканом Рябченко. Неплохо ведь звучит?

Костя набрался храбрости и позвонил директору обсерватории Казину. Полминуты никто не отвечал, потом раздался хриловатый басок профессора:

— Алё, слушаю.

— Михаил Илларионович, Рябченко звонит, — заторопился Константин. — Извините, что поздно... разбудил, наверно.

— Короче.

— Я вулкан открыл! Зарегистрировать надо! Как это сделать?

Пауза возникла на полминуты.

— Вулкан? Где?

— На Луне... на втором изгибе Борозды Гадлея... сам видел!

— Там нет вулканов.

— Но я видел извержение! Цербер зафиксировал!

Цербером Костя, да и остальные сотрудники обсерватории, называл контрольный компьютер.

— Странно... — пробурчал Казин. — Может, китайцы что-то взорвали?

— Я тоже так сначала подумал, но до их базы от вулкана пять километров. Да и нет на базе сейчас никого, ждут грузовик с Земли.

— Ты точно видел?

— Клянусь Коперником!

— Ладно, свяжусь с кем надо. Завтра утром покажешь, что ты там углядел.

— Спасибо, Михаил Илларионович! — Вздохнув с облегчением, Костя выключил мобильный, вывел на экран белое облачко и зачарованно уставился на него.

Михаил Илларионович Казин был опытным специалистом в области астрофизики и незря занимал пост директора обсерватории при Иркутском университете почти двадцать лет. Сообщение молодого сотрудника обсерватории его не слишком взволновало, но всё же он понимал, что странное событие на Луне действительно могло стать открытием нового типа процессов на спутнике Земли, что влекло за собой целую цепь научных дискуссий и признаний, поэтому оставлять без внимания полученную информацию было неправильно. Поразмыслив с минуту, лёжа на кровати и поглядывая на часы, он всё-таки встал, доплёлся до кабинета и позвонил заместителю директора Пулковской обсерватории Зильберу, с которым был в приятельских отношениях.

Зильбер, как оказалось, ещё не спал, несмотря на поздний час: поясное время в Санкт-Петербурге отличалось от иркутского на четыре часа, — и отнёсся к известию об открытии на Луне «вулкана» скептически.

— Михаил Илларионович, Луна изучена вдоль и поперёк, все горячие точки давно обнаружены и известны, вулканов в Море Дождей нет.

— Ты бы посмотрел тем не менее, Гарри Петрович, — проворчал Казин, — вдруг и в самом деле что случилось с китайцами. У нас слабенькие гляделки, можно сказать, любительские, столетней установки, а у вас техника современная, тот же МАГИС^[2]. Если ты не в обсерватории, попроси дежурную смену, пока Луна не ушла.

— Я в обсерватории.

— Вот видишь? Даже этот факт за нас. Позвонишь?

— Хорошо, беспокойная душа. — Зильбер выключил мобильный.

Михаил Илларионович сходил в туалет, напился чаю, не боясь разбудить жену, которая ночевала на даче, и нервно схватился за телефон, когда раздался звонок.

— Ты прав, Илларионович, — сказал, картавя, Зильбер. — Нашли там свежую дырку, всего в километре от Борозды Гадлея. С китайцами это никак не связано, их базу не затронуло. Я позвонил Амбарцумяну, он подтверждает событие, их восстановленный Шмидт^[3] как раз был направлен на Луну и зафиксировал выброс газа. Но твой парень был первым, судя по всему, не напрасно тебя разбудил. Позвоню в Москву, пусть разбираются.

— Спасибо, Петрович, — сказал обрадованный и удивлённый Казин. — Будем держать связь. Надо последить за тем районом.

— Последим, только уже завтра, Луна уходит.

— Так ведь над Луной сейчас наш модуль летает, может, он посмотрит?

— Это идея, подскажу, кому следует. Ну, будь.

Казин расслабился, вышел на балкон: он жил на шестом этаже старой девятиэтажки на краю Иркутска, но Луну не увидел, она уходила за горизонт с другой стороны дома.

* * *

Американский спутник «Лакросс» КН-16 был запущен год назад с целью ведения стратегической видовой разведки и определения координат межконтинентальных баллистических ракет России. Выведен он был на орбиту с большим эксцентриситетом и максимальным удалением от Земли на тридцать шесть тысяч километров, чтобы процесс снижения до трёхсот километров происходил над территорией Российской Федерации. Таким образом, формой его орбита представляла собой эллипс, в ближнем фокусе, образно

говоря, которого и находилась Земля, в то время как дальний смотрел в космос и часто видел пролетающую по орбите Луну.

Четвёртого июня в двадцать три часа по времени нулевого меридиана «Лакросс» как раз собирался повернуть к Земле, взобравшись на дальний виток эллипса, когда в него воткнулся объект, о существовании которого не подозревали не только создатели спутника, но и вообще ни один человек на Земле. Скорость его была столь велика, да и виден он был даже вблизи плохо, что ни одна многоспектральная видеокамера спутника не засекла объект при подлёте, и компьютер аппарата не смог ничего передать на базу кибернетической разведки США в Форт-Детрике.

«Таран» длился тысячные доли секунды.

Строгие обводы спутника внезапно потеряли чёткость, поплыли, как отражение облаков на воде, и спутник исчез. Будто его и не было вовсе.

Лишь долгое время спустя его обнаружила система космического мониторинга Чили в сотне тысяч километров от Марса...

* * *

Российский спутник СМЗП-16 «Глонасс-К» системы ГЛОНАСС создавался для мониторинга земной поверхности и вращался по круговой орбите вокруг планеты на высоте девятнадцати тысяч четырёмсот километров, осматривая просторы Европы и прилегающих к ней морей в полосе шириной в тысячу километров. Пятого июня в шесть часов утра по московскому времени он находился над Францией, собираясь пересечь воздушные границы ещё четырёх государств, прежде чем выйти на «рабочую» траекторию над Россией, включая Калининградскую губернию.

Непонятная катастрофа настигла его в момент триангуляционного контроля: «привязанный» к определённому объекту, в данном случае к триангуляционной вышке в окрестностях французского городка Сен-Дизье-де-Дюк, он сравнивал координаты вышки с программными файлами для целеуказания пользователей и передавал им точные координаты местонахождения; системой ГЛОНАСС пользовалась не только Россия и Белоруссия, но и практически все страны Европы, в том числе Франция.

Удар неведомых сил застиг аппарат на передаче координат автопользователям. В данную секунду их насчитывалось не меньше десяти миллионов. И все они одновременно потеряли сигнал, в то время как спутник, летевший по орбите со скоростью восемь километров в секунду, исчез.

Военные российские спутники системы контроля земной поверхности, обратившие внимание на отсутствие связи с собратом, не обнаружили его на прежнем месте, подтверждая рождавшуюся в тиши начальственных кабинетов сенсацию.

Спутник был обнаружен впоследствии на подлёте ко второй планете Солнечной системы — Венере.

* * *

Аэробус компании «Аэрофлот» «А-321» с двумястами двадцатью пассажирами и семью

членами экипажа на борту, включая двух пилотов, поднялся в воздух строго по расписанию, в двадцать часов десять минут по местному времени из парижского аэропорта Орли в Иль-де-Франс. До границы с Белоруссией он долетел за сорок минут и через час должен был приземлиться в аэропорту Шереметьево.

Однако всё пошло совсем по-другому, нежели рассчитывал экипаж и пассажиры рейса.

В минуте полёта от Витебска самолёт вдруг накрыла странная кружевная тень, видимость резко ухудшилась: впечатление было такое, будто вокруг самолёта собралось облако нагретого воздуха, искажающее перспективу. Локаторы аэробуса ослепли, навигационное оборудование выключилось, смолк гул двигателей.

— Эт-то ещё ч... — успел воскликнуть второй пилот воздушного лайнера.

В следующее мгновение самолёт упал, то есть нырнул в воздушную яму, как потом описывали пассажиры это происшествие, мгновенная дурнота погасила сознание всех людей на борту... и они снова почувствовали себя живыми, переживая ещё одну волну дурноты, но уже словно при старте ракеты!

Двигатели заработали вновь.

В кабине восстановилось освещение.

Включилась система управления самолётом.

— ...то такое?! — закончил начатую фразу второй пилот.

Аэробус поднял нос, пытаясь вернуться на свою высоту, включилась система контроля и связи, далёкий голос диспетчера проскрипел удивлённо:

— Эй, кто там ещё лезет на занятый эшелон?! Борт на десятке, вы откуда свалились?! Немедленно уходите на глиссаду до восьми!

Командир лайнера впился глазами в дисплеи панели управления.

— Чума тебя задеря! Где мы?!

— Похоже... чтоб я в лотерею выиграл! — Второй пилот на мгновение потерял дар речи. — Паша, разворачивай машину! Мы над Камчаткой!..

* * *

Это сооружение из гранитных глыб и плит, названное Уральским дольменом, нашла на вершине невысокой горы в две тысячи семнадцатом году «Команда искателей приключений» из Екатеринбурга, возглавляемая археологом Бурляевым. Дольмен представлял собой домик, сложенный в третьем тысячелетии до нашей эры из грубо обработанных гранодиаритных блоков, накрытый двумя плитами толщиной в полтора метра и весом не менее сорока тонн каждая. Стоял он на плоской вершине горы высотой всего в триста метров и был окружён десятком невысоких скал-останцов причудливой формы и полосой валежника, через который с трудом и пролезли исследователи-энтузиасты, неумоимо изучавшие «страну дольменов» — северную часть Уральского хребта.

Располагалась гора, в народе прозванная Лысиной Чёрта, в тридцати километрах от Екатеринбурга, на северо-восточном склоне хребта.

Поскольку гора стояла на территории заповедника, разбивать лагерь в непосредственной близости от дольмена туристы не имели права, и палаточный городок обычно разворачивали у подножия горы, от которого вверх по склону уходила хорошо утоптанная тропа; туристов каждый год становилось всё больше, и стойбище постепенно

приобретало цивилизный вид.

С конца мая в предгорьях Урала установилась хорошая тёплая погода, позволявшая начать новый туристический сезон, и первая группа любителей гор и древних сооружений появилась возле Лысины Чёрта третьего июня, разбив лагерь из пяти палаток и начав экскурсии к дольмену и в глубь горных отрогов. Однако настоящая сенсация ждала туристов шестого июня.

Встали они с восходом солнца, позавтракали и уже в восемь часов утра направились к Храму Сварога, как назвала дольмен самая романтичная девушка группы.

Подъём длился полчаса. Группа в составе двенадцати человек подошла к зарослям стланика, собираясь преодолеть его через расчищенный проход, и в этот момент вершину горы накрыла странная колеблющаяся прозрачность, напоминающая облако нагретого до высоких температур воздуха.

Длилось это явление всего пару мгновений, многие из туристов даже не успели разглядеть облако, хотя все потом клялись, что почувствовали порыв жуткого холодного ветра и недомогание.

Затем облако «колеблющейся прозрачности» исчезло, а вместе с ним исчезли скалы, деревья и сам дольмен.

Когда туристы добрались до вершины Лысины Чёрта, она и в самом деле оказалась голой как лысина, но не плоской, какой была раньше, а идеально ровной чашей.

Обалдевшие парни и девушки группы молча смотрели на кратер глубиной в десяток метров, нервно озираясь, прислушиваясь к природной тишине горных склонов, не понимая, куда подевались массивные скальные останцы и Храм Сварога в центре площадки, который пощадило время, но не пожалела какая-то стихия...

* * *

Озеро Виви располагается в юго-западной части плато Путорана в Красноярском крае, в полутора тысячах километров от Красноярска и в шестнадцати километрах южнее Северного полярного круга. Вытекающая из него одноимённая река соединяет озеро с Нижней Тунгуской. Длина озера достигает восьмидесяти восьми километров, ширина — пяти, глубина кое-где — двухсот метров. Всего в озеро впадает сто тридцать три ручья и речки, основные из которых — Огытган, Ковлектэ и Вивихорон, и наполняют его чистой вкусной водой, которую можно пока ещё пить как минеральную.

Озеро окружают преимущественно лиственничные леса.

Добраться до него осенью или весной по суше проблематично, летом же можно доплыть по рекам либо долететь на вертолёте. Дорог в этих краях практически нет.

Знаменито озеро прежде всего тем, что на юго-восточном его берегу расположен монумент семиметровой высоты, олицетворяющий географический центр России, а также установлен православный крест и часовенка Сергия Радонежского. В связи с возвращением Крыма в лоно Российской Федерации центр сместился на сорок метров южнее, и в этом месте тоже недавно установили крест.

Постоянных посёлков в окрестностях озера нет. Ближайшие фактории — так местные называют промысловые селения — располагаются в десятках километров от Виви. Но есть постоянный пост охотинспекции в тридцати километрах и пост рыбоохраны в северной

части озера, заселяемый во время инспекций два-три раза в год.

Открываются и турприюты, хотя работать они начинают с середины июня, в разгар лета, и заканчивают в начале августа, после того как солнце перестаёт согревать землю.

Но больше всего озеро Виви любят браконьеры, потому что его воды полны «рыбными деликатесами», по сравнению с которыми меркнет слава морских обитателей. В водах озера водится божественный таймень и не менее харизматичные сиг, хариус, голец, тугун и налим. Поэтому, несмотря на удалённость озера от обитаемых районов края, сюда всегда летом съезжаются десятки рыболовов, не брезгующих ни сетями, ни динамитом.

Одна из таких компаний добралась до южного берега озера на двух моторных лодках и расположилась буквально в сотне метров от памятного знака, олицетворявшего географический центр страны. Всего их было пятеро — «рыбаки» из Толбуя, селения на речке Виви, стоящего в шестидесяти километрах от озера. «Взять» хотели много, поэтому решили не мучиться с сетями, а забросать заводи озера, где водятся таймень и сиг, толовыми пашками, приобретёнными по случаю у ворья с оборонзавода.

Прибыли они вечером пятого июня, половили рыбу на спиннинг, всё-таки двое из компании были настоящими рыбаками, а шестого после обеда решили расширить меню и послали двух парней в урочище, начинавшееся в десятке метров от лагеря, пострелять зайцев или что придётся. По слухам, здесь водились не только зайцы, барсуки и тетерева, но и северные олешки, а то забредали и горные бараны.

Ни зайца, ни барана охотники не встретили. Зато недалеко от лагеря, в болотной низинке, повстречали оленя и припустили за ним, предвкушая азартную охоту на непуганое животное, не знавшее, что такое охотник. Забегая за гряды низких скальных рёбер, они наткнулись на болото с зеркалами чёрной воды, начали обходить его вслед за оленем, и в этот момент на низину опустилось странное полупрозрачное облако, напоминающее связку лопающихся, играющих, почти невидимых мыльных пузырей.

Облако зависло над центром болотца, прямо над вершинами лишённых листы хилых берёзок, плеснуло на местные бугры и камни ручей «игручей непрозрачности»... и один из охотников, не успев увернуться, превратился в цепочку «призраков», исчезнувших в центре облака.

Его приятель шарахнулся прочь, инстинктивно нырнул в неглубокую колдобину, пробежался по ней на четвереньках. Спину охватил ледяной озноб. Парень заорал, выбрался в соседнюю ложбину, метнулся по ней подальше от болотца, не чуя ног под собой, и оглянулся, только когда отмахал от этого места пару сотен метров.

Ничего он не увидел.

День клонился к вечеру, погода стояла тихая и тёплая для этих мест — плюс двенадцать градусов, ничего тревожного не происходило, но охотник помнил, как исчез его напарник, передёрнул плечами, обнаружил, что потерял карабин, но возвращаться назад одному было страшно, и он не рискнул.

Добрался до лагеря, встреченный весёлыми возгласами спутников, облегчённо перевёл дух и рассказал им страшную историю о «пришельцах, забравших Вована к себе на НЛЮ». Его подняли на смех, но молодой бородач был и в самом деле напуган, и дело приняло иной оборот.

— Сходим, поглядим, — решил главный рыбак компании по прозвищу Мозглый.

Собрались все вместе, взяли последний карабин, направились к «месту падения НЛЮ». Шли с час, хотя от лагеря до урочища, где пропал Вован, было всего ничего — не более

полукилометра. Остановились, когда проводник — его звали Валера — замер как вкопанный перед колдобиной, которую недавно перелетел будто на крыльях.

— Здесь!

— Где?

— Дальше... за болотцем...

С минуту вглядывались в пятнистую серо-зелень засохших берёзок и хвощей.

— Ни черта не вижу, — пробурчал Мозглый. — Ну и где твой НЛО?

— Будто колеблется что... — неуверенно проговорил его спутник Вакса. — Воздух мерцает... правее смотри.

— Надо подойти ближе.

— Э-э, не-е, не пойду! — отказался Валера. — Вован там за бугорчком и пропал — будто его черти по воздуху несли.

— Куда?

— Дак кто же его знает? Пришельцы цапанули.

— Ты их видел, пришельцев?

— Ну... да... вроде... суетились какие-то рогатые, — соврал Валера.

— Никого там нет, никаких рогатых. Головой об пень стукнулся, вот тебе и привиделось.

— А ты сходи проверь.

Мозглый обошёл утонувшую в пене мха корягу, взобрался на неё.

Дальнейшее произошло в течение двух секунд.

Пульсирующая «прозрачная непрозрачность» в сотне метров от людей скачком выросла в размерах, её рукав накрыл корягу... и Мозглый исчез вместе с ней, мигнув «призраком» пару раз, словно его и в самом деле унесли на невидимых крыльях невидимые «пришельцы».

— Ёханный бабай! — выговорил Валера, выпучив глаза.

Его одуревшие спутники развернулись и ломанулись в лесок, вдруг осознав, что находятся на краю гибели.

Композиция 2

Операция «Зеркало»

Известно, что до десяти процентов выживших после остановки сердца рассказывают об околосмертных переживаниях. У слушателей после этого создаётся впечатление, что они каким-то образом обманули смерть, сумев вернуться из «сияющего тоннеля вечности» обратно в своё тело.

Год назад Назар и сам испытал нечто подобное, получив во время операции по спасению заложников в Ростове-на-Дону пулю в спину, но выжил, а вспомнил об этом эпизоде своей жизни почему-то этим безоблачным утром седьмого июня, находясь на террасе отеля Constance Halavel на острове Халавел, принадлежащем архипелагу из двадцати атолловых мальдивских островов, со стаканом вотермелона^[4] в руке.

Прилетел он сутки назад, как турист, хотя на самом деле являлся капитаном группы Управления специальных операций ФСБ, получив задание освободить захваченного местными спецслужбами, с подачи сотрудников ЦРУ, российского гражданина Лапина, специалиста по компьютерным технологиям концерна «Пермьавиа», прилетевшего на Мальдивы с подругой вопреки предписанию не покидать территорию России.

О том, что Лапин не просто исчез, а похищен, российским спецслужбам стало известно пятого июня, а уже через сутки в Мале, столице Мальдив, приземлился самолёт, на борту которого находились среди туристов семь профессионалов перехвата во главе с капитаном Назаром Хромовым. Он получил карт-бланш на освобождение ни в чём не виноватого айтишника Алексея Лапина любым доступным группой способом.

Захват Лапина американцами не являл собой единственный случай. В начале двадцать первого века их спецслужбы не раз похищали российских граждан в других странах. Да и в двадцатом веке такие происшествия имели место, хотя и не афишировались на политическом уровне. Лишь похищение в две тысячи восьмом году в Таиланде Виктора Бута прорвало плотину молчания вокруг этого «бизнеса», и случившаяся позже история с захватом российского лётчика Константина Ярошенко наделала много шума. К двадцатому году этого века в американских тюрьмах отбывали длительные сроки заключения уже больше двух десятков российских граждан, за которыми не было никакой вины, зато стояли низменные расчёты американских политиков «насолить» России во имя «демократии во всём мире», на самом же деле — во имя «главной страны мира» — США.

В две тысячи семнадцатом году российские спецслужбы начали реагировать на похищения. Был освобождён захваченный в Финляндии банкир Трусевич, вовремя остановили экстрадицию из Латвии в США замдиректора Самарского машзавода. В Турции был задержан и доставлен в Москву игиловец Эрдобан, спецпосланец ЦРУ к турецким властям.

Назар в этих операциях не участвовал, хотя выполнял задания по всему свету не проще упомянутых. На Мальдивах он не был ни разу, однако опытом в свои двадцать девять лет обладал большим и не сомневался, что операцию «Зеркало» закончит успешно, тем более что ему помогали и другие подразделения ФСБ, СВР и ГРУ, такие как информационно-мониторинговые центры, технические, снабженческие, компьютерно-кибернетические и оперативные бригады.

Будучи исключительно уравновешенным, но сострадательным человеком, Назар, разумеется, взвешивал в уме степень выполнимости заданий, однако в случае с похищениями россиян американцами этот принцип игнорировал. Он знал, как допрашивают похищенных агенты американских спецслужб, выбивая из них показания. К примеру, того же Ярошенко, похищенного либерийскими офицерами безопасности, допрашивали двое суток: подвешивали за шею, били по гениталиям и выбивали зубы. Поэтому жалеть подонков-похитителей Назар не собирался, он представлял, что будет с Лапиным и его подругой, если американцам удастся перевезти пару с Мальдивов на военную базу Андерсон на острове Гуам.

Вид на лагуну острова с террасы был великолепен.

Солнце светило вовсю, температура воздуха в тени не превышала тридцати градусов, дышалось легко и хотелось лечь на белый песок, позагорать и искупаться. Но как раз купаться и загорать группе было нельзя, о чём Назар подумал с мимолётным сожалением.

— Фил, что у тебя? — спросил он, сделав глоток ватермелона и сунув в рот белую палочку бонзи, как называли этот десерт из кокосовой стружки местные жители на языке дивехи^[5].

— Сидят, — лаконично ответил капитан Филенко, отзывающийся на оперативный псевдоним Фил; имелась в виду компания спецагентов местной службы безопасности, охранявшая в одном из номеров отеля похищенную пару — Лапина и его подругу по имени Диана. О похищении, естественно, обслуга отеля не знала ничего, а тот, кто знал, — помалкивал, не желая связываться с властями.

Всего в похищении, по данным Назара, участвовали пять агентов мальдивской Чунхча и трое агентов ЦРУ. Переправлять задержанных на Гуам сразу они не стали, опасаясь огласки, либо ждали удобного случая, чтобы ни у кого из проживающих в отеле не возникло подозрений. И случай этот мог представиться в любой момент, так как с вечера в отеле планировался праздник Воды и Солнца, на который уже начали съезжаться артисты и приглашённые гости.

Назар терпеливо ждал. На его команду работало так много профи секретных служб России, что подвести их он не мог, и от слаженности действий всех участников операции зависел не только её успех, но и жизнь пленников, и дальнейшая судьба подразделения Хромова, и деловая репутация российских спецслужб.

— Рискуй с головой, — напутствовал его зам-начальника Управления полковник Горбатов. — Чтобы с этой головой потом не расстаться. Не надейся на фарт, вера в невозможное не приносит счастья.

— Вера в возможное тоже не приносит, — пошутил Назар.

— Работай, жду доклада.

Снова заговорил наушник мобильного, торчащий глубоко в ухе; система блокировки мультисвязи позволяла подключаться к спутниковым каналам и не бояться прослушки:

— Турист, пойман разговор клиентов с базой, ждут гидросамолёт.

— Где ждут? — поинтересовался сразу насторожившийся Назар.

— Справа от пирса, за параплановым аттракционом, возле стоянки катеров.

План созрел мгновенно.

— Уточнили, сколько их?

— Трое в номере, двое в коридоре, двое в холле отеля, ещё один на причале. Напротив отеля дежурит машина полиции.

— Полиция прикрывает группу захвата? — удивился Назар.

— Вряд ли, их волна хрюкает хохмочками и смехом.

— Понял, изменится обстановка — предупредите. Команде подхвата — готовность один!

— Принято.

«Командой подхвата» в данном случае был экипаж российского судна-газовоза «Брянск», который должен был дожидаться группу Назара в условленном месте, в пятидесяти милях от архипелага. Было подготовлено два варианта доставки спасённых (иного финала не мыслилось) на борт корабля: на дони — многоцелевом судёнышке с дизельным двигателем, используемом местными торговцами, и на аэротакси ДНС-6 канадского производства. Но слова наблюдателя о гидроплане заставили Назара пересмотреть стратегию освобождения пленников.

— Лёва, на пирс! Жди посадки гидроплана с американцами, посчитаешь экипаж.

— Иду, — отозвался лейтенант Рубинштейн, игравший роль записного мачо, не пропускающего на пляже и в отеле ни одной юбки.

— Дом, Серьга, занимайте позиции на этажах.

— Есть! — отозвались старший лейтенант Домани и лейтенант Сергачёв.

— Жрец, Шило, готовность «на курке»!

— Ясно, — ответили оперативники Шиловский и Астапович.

— Фил, что на обзоре?

— Всё тихо, Штиль, подозрительное движение отсутствует. — Капитан хихикнул. — Америкосы уверены, что им снова всё сойдёт с рук.

— Действуем по императиву «мой».

Филенко помолчал.

— Обозначь ориентиры.

— Захватываем гидросамолёт и отправляем на нём заложников.

— Ясно. Отход не меняется?

— Пока стандарт.

— Жду команды.

Назар съел ещё одну палочку бонзи, допил фреш, полистал справочник под названием «Великие Мальдивы», расписывающий все достопримечательности архипелага. Великим этот коралловый мирок, конечно, назвали ради рекламы, так как площадь островной суши едва достигала двухсот девяноста восьми квадратных километров. Но туристов со всего мира на Мальдивы слеталось много, и казалось чудом, что квартирьерам УСО удалось разместить группу под видом «английских туристов» в разгар летнего сезона в двух соседних отелях.

Основной статьёй доходов населения Мальдив были во все времена рыболовство и туризм, хотя процветали и ремёсла — пошив одежды, плетение циновок, изготовление верёвок, консервация, сбор фруктов, но «английских туристов» интересовали в первую очередь силы безопасности островов и транспорт, который мог как помочь в освобождении заложников, так и помешать отступлению, поэтому изучению этого вопроса Назар уделил особое внимание.

Самым большим спросом на островах пользовались катера — дони и большие лодки — ведис, однако присутствовали и аэротакси, и мотодельтапланы, и гидросамолёты. Тот факт, что американцы решили использовать для транспортировки Лапина гидросамолёт, указывал на их подлые умыслы: они не хотели огласки происшествия и замаскировались под

«местный транспорт» намеренно.

Правда, на гидросамолёте вряд ли можно было долететь до острова Гуам, располагавшегося в западной части Тихого океана, поблизости от Марианской впадины, и Назару стало понятно, что это промежуточный этап. Гидросамолёт, скорее всего, должен был доставить пленников на один из островов неподалёку от Мальдив, на остров Шри-Ланка, к примеру, а уж оттуда их могли забрать военные самолёты Штатов.

Стратегами УСО не рассматривался вариант перехвата похищенных на самом острове Гуам. Хотя самый южный остров архипелага Марианских островов и не принадлежал Соединённым Штатам, всё же он имел статус неинкорпорированной территории США и по сути являлся американским протекторатом. Военных баз на острове было много, а база Андерсон, располагавшаяся в северной части острова, контролировала всю воздушную и морскую обстановку в радиусе сотен километров, отчего подобраться к Гуаму незаметно, а тем более освободить пленников было нереально.

Фил позвонил через пять минут:

— Вижу летающий тарантас фирмы «Дуглас», садится у дальнего края причала.

— Напряглись! — отдал общую команду Назар, бросив взгляд на бухту. Гидросамолёт он увидел, лишь когда тот сел на воду и заскользил к берегу, где была стоянка аэротранспорта острова. Были видны два жёлтых аэротакси и старенький гидроплан, возивший туристов вокруг архипелага.

— К тарантасу направилась моторка, — доложил Фил, — в ней один человек, белый, судя по физиономии.

— Экипаж тарантаса?

— Не вижу, посмотрим, кто сядет в лодку, так-то у него должен быть только один пилот.

Назар сложил планшетник, покинул террасу, в номере оглядел себя в зеркале: типичный англичанин, ещё не загорелый, соломенные усики, шляпа, рубашка-апах, шорты. Правда, шорты особенные, никто не догадается, что это по сути «разгрузка» для ношения оружия и кое-каких инструментов.

Так, теперь сумка-бювар через плечо (планшет, естественно), «чваки» — сандалеты с шипами, и вперёд, капитан.

— Фил?

— В лодку сел один джентльмен, весь в голубом. Судя по всему, его провожал один пассажир, лётчик остался в кабине. Предполагаю, что всего на борту самолёта трое: два пассажира и пилот.

— Следи.

Назар вышел из номера, спустился в небольшой стеклянный павильон перед выходом на пляж.

Сидевшие у барной стойки Жрец и Шило заметили командира, но продолжали делать вид, что пьют холодный зелёный чай, лениво перебрасываясь фразами на английском языке.

Внезапно на отель обрушился ливень.

Никого это не удивило. С июня по август на Мальдивах сезон муссонов, и дожди, усиленные шквалистыми ветрами, шли здесь часто.

— Лодка приткнулась к крайнему волнолому, — доложил Фил. — Пассажир высадился, но к отелю не побежал, укрылся под навесом дельтапланов.

— Бери его! — скомандовал Назар. — Потом рулевого на моторке. Всем — гром!

Вернувшись в холл отеля, он поднялся по лестнице, не оглядываясь, на четвёртый этаж,

повернул в коридорчик под табличку «number 401–432».

— Небо, разговоры?

— Ругаются, — отозвались наблюдатели, контролирующие все линии связи острова. — Не хотят выходить под ливень. Но главный их гонит, сейчас выйдут.

— Закончат перебранку — глушите!

— Принято.

— Дом, Серьга, сейчас на этаж побегут агенты из холла, перехватите.

— Без проблем, Турист.

Назар прошагал мимо одного из агентов, здорового негра в белом, гуляющего сразу за дверью коридора, приблизился к его напарнику, стерегущему другой конец коридора. Это был средних лет индеец, толстый, потеющий в сером полотняном костюме и обмахивающий лицо шляпой.

— Добрый день, мистер, — доброжелательно обратился к нему Назар. — Не подскажете, который час?

Толстяк уловил английское слово «hour», машинально отвернул рукав пиджака, показывая массивный золотой хронометр, и в этот момент сзади раздался глухой удар, тихий ох, индеец дёрнулся, вскидывая голову, и Назар аккуратно вонзил ему костяшки пальцев в горло. Хрюкнув, сторож команды похитителей, местный агент, очевидно, осел на пол. Назар оглянулся.

Негр лежал на полу. Жрец, склонившийся над ним, выпрямился, глядя на капитана.

Назар оставил индейца, подошёл к двери номера 421.

— Небо?

— Выходят, — лаконично ответили ему.

— Глушилка?

— Запущена.

Это означало, что все электронные системы отеля, мобильные телефоны, видеокамеры и телеканалы в данный момент не работали. Над отелем висел беспилотник с комплексом «китайского файервола», который отключал все виды связи и всю электронику, кроме гаджет-раций группы Хромова, защищённых от подавления и помех.

Назар сделал знак пальцами. Бойцы группы скользнули к нему.

Дверь номера щёлкнула, открываясь. Оттуда вышел, не ожидая сюрпризов (а надо было бы сначала выглянуть, мимолётно подумал Назар, профессионалы грёбаные), верзила в светлом костюме и потерял сознание, пропустив удар и едва ли успев понять, что происходит.

Он ещё падал, а Назар с бойцами был уже в номере.

Наблюдатели не ошиблись, их было четверо (пятый лежал в коридоре), не считая пленников, лежащих на двуспальной кровати со связанными руками и ногами: двое смуглолицых мужчин в стандартных полотняных костюмах и двое белых, крупногабаритных, накачанных, с лицами киборгов наподобие шварценегтеровского Терминатора. Не было сомнений, что они и есть американские суперагенты, получившие задание вывезти с острова российского специалиста.

Столик посреди номера и часть кровати были завалены пластиковыми стаканчиками, бумажными тарелками и остатками пищи. Под столом громоздилась куча пустых бутылок из-под пива. Пахло в номере как в конюшне.

Один из смуглолицых аборигенов склонился над лежащими (у них были заклеены

скотчем рты) и развязывал им ноги, чтобы они могли идти. Второй тупо смотрел, как он это делает.

Реакция у всех похитителей оказалась примерно одинаковой: они оторопели. Лишь спустя секунду, когда уже невозможно было что-то предпринять, один из верзил в белом отбросил мобильный телефон, прижатый к уху, но это его не спасло, как не спасли и впечатляющие мускулы. Назар бил в полную силу, и американца унесло в угол гостиной (прихожая в двухместном сингле отсутствовала) со сломанной челюстью. Упал он, сбив торшер, совсем не по-суперменски, тушей барана, объевшегося бигмаков.

Шило и Жрец в это время разделались со вторым американцем, хотя и не столь деликатно: били его дважды, больно, пока гигант не улёгся на полу номера лицом вниз.

Агенты мальдивской службы безопасности опомнились уже после потери союзников. Но их обработали так же быстро и качественно — вытащить пистолеты из-под подмышек они не успели.

Длился показательный бой русского спецназа с американским всего три секунды.

«Никому не рекомендую, ни одному спецназу в мире, связываться с профессионалами русских спецслужб, не зря признанными лучшими в своём деле!» — именно так подумал Назар, останавливаясь и наблюдая, как Жрец и Шило красиво укладывают штабелем агентов недружественных контор.

Спустя несколько мгновений в номере стало тихо.

Коренастый Шило разогнулся.

— За что им только платят?

— Прикуси язык, — посоветовал Назар. — Болтун — находка для шпиона. Развяжите их.

Глаза пленников говорили, что они сейчас переживают, и он добавил, прижав палец к губам:

— Тихо! Свои! Сейчас мы доберёмся до причала, посадим вас в гидроплан и отправим домой. Ни одного лишнего слова, ни одного взгляда по сторонам. Как поняли?

Молодой вихрастый парень с модной щетиной на щеках замычал.

Назар осторожно отлепил с его губ липкую ленту.

— К-кто в-вы?!

— Ангелы-хранители, — проворчал Шило.

Назар снял ленту с губ девушки, она энергично подхватила на ноги, гневно заговорила о «правах туриста», но Лапин остановил её, поцеловав в губы.

— Подожди, милая, они не виноваты, что нас задержали. Не надо было лететь сюда, я предупреждал.

— А они кто?

— Освободители, — криво улыбнулся молодой человек, глянув на Хромова. — Из России, надеюсь. Будем их слушаться.

— А если они такие же? Увезут куда-нибудь в Гуантанамо...

— Начитанная девчушка, — усмехнулся Жрец.

— Уходим, — кивнул на дверь Назар.

— Надо собрать вещи...

— Не стоит, леди, мы не на лайнер грузимся, возьмите только документы.

— Но у меня дорогие платья... бижутерия...

— Дианочка, это дело наживное, — приобнял её Лапин. — Приедем домой, я тебе

куплю лучше.

Назар сделал понятный бойцам жест.

Жрец и Шило споро связали не приходящих в себя похитителей, заклеили им рты скотчем.

— Фил, обстановка?

— Всё тихо, — доложил капитан. — Льёт как из ведра!

— Пакуй пассажира гидроплана и моториста, жди нас в лодке.

— Понял.

Выбрались из номера, бойцы быстро перетащили в комнату тела местных агентов, также не подающих признаки мыслительной деятельности. Спустились в стеклянный вестибюль, где пережидали непогоду любители полежать на песочке, остановились на минуту, разыгрывая роли таких же туристов. Назар связался с Рубинштейном:

— Лёва, к пирсу, помощи Филу! У вас на всё три минуты!

— Дождь такой, что ни хрена не видно...

— Бегом!

— Уже.

— Дом, Серьга, что у вас?

— Полиция сидит в «Мустанге». Можем заблокировать.

— Не надо, срочно дуйте на пирс, нужна ещё одна моторка.

— Мы же хотели взять аэротакси.

— План изменился.

— Есть!

— Фил?

— Сволочь, учуял, пришлось ломать руку, чтоб не выстрелил. Да ещё местных трое.

— Только без мокрухи!

— Да всё в порядке, Лёва подоспел вовремя.

— Берите моториста, пока дождь не кончился.

— Побёгли.

Назар обратил внимание на ввалившуюся компанию молодых людей, крепких, загорелых, весёлых, но интуиция напряглась зря, это были фанаты виндсёрфинга, собравшиеся показать друг другу финты на воде во время муссонного ветра. Компания с досками наперевес кинулась в ливень и растворилась в мутной серой пелене.

— Герои, — криво улыбнулся Лапин, которого вдруг начала колотить дрожь.

Назар понял его состояние, потрепал по волосам, сказал по-английски:

— Ты от них не сильно отличаешься.

Лапин конфузливо сморщился.

— Кто же знал, что меня захотят украсть?

— Новости смотреть надо, — мрачно сказал косоглазый, похожий на корейца Жрец. — Сколько уже раз передавали про похищения, а ты, наверно, к тому же и подписку давал о невыезде за границу.

— Давал... — Лапин косо посмотрел на присмирившую подругу, и Назар понял, что инициатор отдыха на Мальдивах она.

— Турист, мы на месте, — доложил Фил.

— Выходим. — Назар подтолкнул к выходу из номера спасённого, и они под возгласы отдыхающих: «А вот ещё сумасшедшие!» — выбежали под косые струи дождя, мешающие

ориентироваться, но хорошо скрывающие передвижение группы.

Моторку за кабинками для переодевания, приткнувшуюся боком к волнолому, нашли быстро. В ней сидел Филенко, придавив коленом моториста. Лёва браво расхаживал по каменному парапету волнолома, будто прогуливался в штить.

— Садитесь, — бросил Назар начавшей дрожать от холода паре пленников; несмотря на тёплый климат Мальдив, муссоны приносили достаточно резкое похолодание, и температура воздуха сразу снизилась не меньше чем на десять градусов.

— Дом? Где вы?

— Едем.

Затарактело, волнолом обогнула моторная ведис, уткнулась носом в песок.

— Занимайте места согласно купленным билетам, — весело проговорил жизнерадостный блондин Серьга.

— Двое в первую вместе со мной, остальные во вторую.

Посадка заняла секунды. Все вымокли до нитки, но укрыться было негде, ни зонтов, ни накидок бойцы не имели, поэтому приходилось терпеть.

— Фил, к самолёту!

— А этого куда? — Капитан кивнул на моториста.

— На берег.

Темнокожего рулевого моторки оглушили, перенесли на песок, и лодки направились в море, к недалёким аэротакси, застывшим на воде в полусотне метров от берега.

Гидросамолёт, на котором американцы собирались переправить похищенных на Гуам, вырос впереди сквозь стену дождя тушей кита. Люк его был закрыт. Определить, кто находится в кабине, было невозможно, и это обстоятельство порадовало Назара: точно так же и пассажиры гидроплана не могли в данный момент разглядеть пассажиров лодок.

Он посмотрел вверх, но увидеть беспилотник, кружащий в небе над отелем в струях дождя, не смог бы и орёл.

— Приготовились!

Моторка вплотную подошла к корпусу гидросамолёта за поплавками, так, чтобы люк в салон располагался точно над ней. Лёва привычно влез на мощные плечи Фила, тот выпрямился, покачиваясь, и лейтенант постучал в люк костяшками пальцев.

Дождь внезапно кончился, словно кто-то выключил душ. Открылась даль залива, пронизанная лучами солнца.

Лязгнуло, люк убрался в корпус, в проёме показалась курчавая голова негра.

Фил распрягнулся до конца, подбрасывая Лёву вверх.

Лейтенант вцепился в шею агента, ловко крутанул на себя и сбросил в моторку на руки бойцов. Подтянулся, влез в кабину, исчез.

Негр попал в объятия Фила, гортанно вскрикнул, но ему скрутили руки, зажали шею, и он умолк, перестав сопротивляться.

Назар, пользуясь спиной капитана как трамплином, прыгнул в проём люка вперёд головой, прокатился по полу салона мячиком, прислушиваясь к долетавшим из кабины лётчика звукам, но его помощь не понадобилась. В полосе света, протянувшейся из левого иллюминатора, появился лейтенант.

— Порядок, командир, он был один, никого тут больше нет.

Назар высунул голову из люка.

— Залезайте!

Грузопассажирский отсек гидроплана был невелик, но разместились на лавках вдоль бортов все. Тела потерявших сознание американцев (пилот тоже оказался негром) опустили в лодку, и за штурвал самолёта сел Дом. Он мог управлять всеми существующими в мире типами самолётов. Впрочем, этим же умением могли похвастаться и другие члены группы Хромова.

Назар вытащил из сумки планшет, развернул трёхмерную карту архипелага, ткнул пальцем в мерцающую звёздочку на синей глади.

— Нам сюда.

— На два часа к северу, — уточнил Дом.

— Небо, ответь Туристу, — позвал Назар.

— Слушаю, Турист.

— Снимайте глушилку. Начнётся суета — дадите знать.

— Принято, Турист. Приём обеспечен, попутного ветра.

Дом по-хозяйски пощёлкал кнопками на панели управления гидропланом, повернул несколько рукоятей. С треском заработал левый двигатель «Дугласа», за ним правый. Самолёт начал разбег.

Назар вернулся в отсек.

— Куда летим? — прокричал оживившийся Лапин. Судя по всему он не особенно переживал о случившемся, то ли принимая плен за фрагмент компьютерной игры, то ли в силу характера.

— Куда надо, — коротко ответил Назар, не желая объяснять айтишнику, уже далеко не мальчику, подробности отступления. Их ждал СПГ-танкер серии Q-Мах с грузом жидкого природного газа, перевозимого в Дафар. Группу же должен был снять с газовоза российский эсминец в Аравийском море, после чего её ждал на базе в индийском Порбандаре военный транспортник.

В случае успешных манёвров все участники операции «Зеркало» должны были приземлиться в Москве к вечеру седьмого июня.

Назар закрыл глаза и расслабился, сдерживая довольную улыбку. Больше всего радовало не благополучное завершение операции, а щелчок по носу американским спецслужбам, считавшим себя самыми крутыми во Вселенной.

Композиция 3

Факты и слухи

Каждый рабочий день Даниила Фотиевича Колесникова был расписан поминутно. И даже в нерабочие дни, в субботу и воскресенье, а также будучи в отпуске (что случалось не часто), он планировал каждый свой шаг и встречу и чётко выполнял собственные установки, что благотворно сказывалось как на работе всего коллектива, — а руководил Колесников Федеральной службой безопасности, — так и на собственном здоровье и настроении.

Утро восьмого июня началось с просмотра поступивших писем, сообщений и директив от президента, лично контролирующего деятельность Службы. Затем в десять часов утра в кабинет Колесникова было приглашён начальник Управления спецопераций генерал Флоренский, а в двенадцать Даниил Фотиевич собирался быть на совещании правительства, посвящённом проблемам российско-китайских отношений.

Привычно разбирая по полочкам решения и мысли, Колесников доделал дела, отложенные с вечера, побаловался чашечкой эспрессо с лимоном и приготовился выслушать Флоренского, молодого, моложе самого Даниила Фотиевича на двадцать лет, энергичного и решительного, не боящегося брать на себя ответственность за подчас слишком рискованные мероприятия во благо страны, особенно во время операций за рубежом.

Даниил Фотиевич, несмотря на возраст (ему исполнилось шестьдесят), и сам не страдал медлительностью, нерешительностью и неуверенностью, однако начальник УСО превосходил его по многим «мужским» параметрам, и это директору нравилось, так как он давно искал человека на своё место, когда наступит время уходить на покой, а Флоренский отвечал его требованиям.

Начальник УСО, по-спортивному быстрый, подтянутый, широкоплечий (бывший рэгбист), вошёл в кабинет минута в минуту, чётко встал по стойке «смирно». Умные карие глаза генерала задали вопрос: разрешите?

— Проходи, Геннадий Елистратович, — сказал Колесников, вставая и пожимая ему руку. — Кофе хочешь?

— Только что пил.

— Тогда сразу к делу, докладывай.

Сели напротив друг друга. Флоренский положил перед собой на столик планшетник, открыл.

— Группа Хромова вернулась с Мальдив. Операция «Зеркало» прошла идеально.

— Так уж и идеально, — усмехнулся Колесников.

— Американцы спохватились только спустя сорок минут после перехвата группой похищенного. К этому моменту всё подразделение и спасённый были на борту газовеца «Брянск». Самое интересное, что об инциденте не написала ни одна местная газета, ни одна американская, не прозвучало ни одного заявления по этому поводу, ни по ТВ, ни по Интернету. Американцы словно язык проглотили. А сегодня стало известно, что тихо ушёл в отставку адмирал Роббинс, начальник бригады специальных морских операций США.

— Это хорошее известие, — сказал Колесников. — Роббинс — креатура директора АНБ, он много нам насолил. Ты думаешь, его отставка связана с нашей операцией?

— Уверен почти на сто процентов.

— Что ж, надеюсь, мы и дальше будем действовать столь же эффективно и незаметно.

— Хотел бы отметить великолепную работу командира группы капитана Хромова. Да и ребята не сплеховали.

— Давайте предложение.

— Хромову — звание майора, плюс орден Мужества и отпуск. Его бойцам — медали.

— Согласен, подготовьте документы.

— Хотелось бы также как-то отметить и спецов вспомогательных служб.

— А вот это уже лишнее, Геннадий Елистратович, они делают то, что обязаны делать по долгу службы, не рискуя жизнью.

— Но на них лежит большая ответственность.

— А безответственным нечего делать в нашей конторе. Ты в курсе подробностей освобождения наших граждан? Кстати, почему их двое?

— С Лапиным была девушка, соотечественница.

— Понятно.

— Капитан напишет отчёт, и я сразу представлю его вам.

Колесников покосился на раскрытый планшет генерала, хотел что-то сказать, но в это время послышался тихий сигнал селектора. Даниил Фотиевич коснулся клавиши.

— Я занят, Вера.

— Даниил Фотиевич, к вам срочно просится Звягинцев.

Собеседники переглянулись. Генерал Звягинцев руководил Научно-техническим центром ФСБ, и эпитет секретарши «срочно» явно отражал его переживания.

Флоренский встал.

— Я позже зайду.

— Сиди, — махнул рукой Колесников. — У тебя такой же допуск к секретам Романа Семёновича, какой и у меня. Пригласи его, Вера.

Вошёл начальник НТ-центра, кряжистый, крупноголовый, с залысинами, в очках. На тяжёлом складчатом лице генерала, не носившего мундир даже на официальных приёмах, читалось непривычное для него смущение. В руках он держал такой же планшетник, что и у Флоренского.

— Разрешите, Даниил Фотиевич?

— Проходи, проходи, садись, — показал на стул Колесников, не вставая. — Что случилось?

Звягинцев поздоровался с обоими за руку, сел, раскрыл планшет.

— Придётся вспоминать географию.

— Неужели экзаменовать нас начнёшь? — пошутил начальник УСО.

— Самому бы не оплошать. На севере Красноярского края есть озеро Виви, слышали?

— Интересное название.

— Географический центр России, — сказал Даниил Фотиевич.

— Совершенно верно. Так вот, два дня назад на южный берег озера выпал некий объект с весьма необычными свойствами. Он практически невидим, зато очень даже ощущаем. По свидетельству очевидцев, оказавшихся там по воле случая, объект стреляет прозрачными щупальцами и хватает людей. Двое из рыбацкой компании исчезли. Приятели уверяют, что их захватили пришельцы, а объект — это НЛО, замаскированная летающая тарелка.

Флоренский вскинул брови. Будучи абсолютным реалистом по натуре, в НЛО и прочую мистическую аномальщину он не верил.

— Рыбаки выпили и утонули в болоте. Либо перестреляли друг друга, такое тоже бывает. Самое простое объяснение.

— В том-то и проблема, что они не пили. Пошли уток пострелять и нарвались на НЛО.

— Говорю же, перестреляли друг друга с бодуна, а теперь хотят свалить всё на НЛО. Надо связаться с местными органами, пусть проверят.

— Ближайшие местные органы находятся в Туруханске, за сто километров от озера. Дорог там нет, в озеро можно попасть только по рекам либо по воздуху. Ближайшее наше отделение — в Туре, а это триста шестьдесят километров от озера.

— Ничего, на вертолёте доберутся.

— Я ещё не всё рассказал. Кроме рыбаков объект видели туристы, которые разбили лагерь в километре от места посадки НЛО, севернее по берегу озера. К счастью, у них никто не пропал.

— Вы же утверждали, что объект не виден.

— Это нечто вроде облака прозрачной турбулентности диаметром в полкилометра, если не больше. Хотя, если честно, никаких измерений никто не проводил.

— Странный НЛО, я о таких не слышал.

— Возможно, это и не НЛО. Однако выслушайте до конца, есть ещё кое-какая информация, которая и заставила меня напроситься к вам на приём, Даниил Фотиевич. События вроде бы разрозненные, не имеющие никакого отношения друг к другу, однако поверьте, если их проанализировать и сопоставить по времени и характеру, вырисовывается крайне любопытная картина.

— Да вы не волнуйтесь, Роман Семёнович, — мягко сказал Колесников, заметив, что лицо начальника НТЦ пошло пятнами. — Мы вам верим, и нам очень интересны ваши предположения.

Флоренский взял со стола директора графин с водой, налил в стакан, подал Звягинцеву.

— Выпейте.

Роман Семёнович благодарно кивнул, сделал несколько глотков, успокаиваясь.

— Не знаю, смотрите ли вы телеящик...

— Вы не отвлекайтесь, Роман Семёнович.

— Шестого вечером произошёл удивительный случай с аэробусом, вылетевшим из Парижа в Москву. Рейс SU-107...

— Точно, эта новость облетела весь мир, — согласился Флоренский. — Самолёт неожиданно пропал над Белоруссией и спустя несколько секунд оказался над Камчаткой. Вы хотите сказать, что этот инцидент как-то связан с...

— Подождите, Геннадий Елистратович, ещё не всё. В тот же день произошли ещё три события, папахивающие мистикой. Во-первых, пропал американский военный спутник «Лакросс».

— И об этом сообщали в новостях.

Звягинцев поморщился, Колесников укоризненно глянул на Флоренского, и начальник УСО сделал каменное лицо.

— Прошу прощения. Но ведь спутник не нашёлся, как самолёт? Кстати, ведь и с нашим глонассовским спутником что-то случилось?

— Верно, он исчез. Оба нашлись... вчера.

Флоренский посмотрел на директора. Колесников огорчённо подёргал себя за ухо.

— Мне не всё докладывают?

— Просто не успели, Даниил Фотиевич, я узнал об этом вообще час назад. Знаете, где обнаружили спутники?

— Где? — в один голос задали вопрос собеседники.

— Американский — у Венеры, его там случайно засёк европейский зонд, а наш — у Марса.

— У Венеры? — не понял Флоренский.

— Планета такая, — слабо улыбнулся Звягинцев. — И последнее: седьмого июня, утром, в глухом урочище за Верхней Пышмой, с вершины сопки под названием Лысина Чёрта исчез археологический памятник — мегалит дольменного типа весом в добрых полсотни тонн.

— И объявился на Марсе, — глубокомысленно закончил начальник УСО.

— Нигде не объявился, просто исчез. Есть свидетели — группа туристов, всё произошло на их глазах. Но самое интересное, они утверждают, что перед этим на Лысину опустилось мерцающее прозрачное облако, нечто вроде еле видимого тумана.

В кабинете директора стало тихо.

Даниил Фотиевич встал, налил себе воды, выпил, сел.

— Сведения точны, Роман Семёнович?

— Я бы не докладывал.

— Ваш вывод?

— НЛЮ, — сделался задумчивым Флоренский.

— Мы не знаем, что это за феномен, — сказал Звягинцев. — Но прослеживается некая траектория появления объекта: первый спутник — второй — самолёт — Урал — озеро Виви.

— С оборонцами не догадались связаться? Европа и вся восточная часть России просматривается радарам.

— Догадались, локаторщики засекали два «призрака» — в районе, где пропал самолёт, и на Урале.

— «Призраки»?

— Так они называют блуждающие радиопомехи.

— Погодите! — вдруг застыл Флоренский. — У меня друг — астроном из Пулково, шестого июня они открыли на Луне вулкан. То есть думали, что вулкан, оказалось — в Луне появилась впадина, вырвался газ... может, это как раз начало процесса? Потом — спутники, самолёт...

Колесников посмотрел на Звягинцева:

— Сможете проверить?

— Без проблем. Я записал все свои предложения на флэшку...

— Давайте. — Колесников взял протянутый начальником НТ-центра носитель. — Товарищи, беру это дело на особый контроль. Нужно срочно организовать экспедицию в район озера Виви. Геннадий Елистратович, подготовьте кандидатуры.

— Я уже соображал, — с облегчением сказал Звягинцев; он опасался, что директор не примет его доводы серьёзно. — Хотелось бы самому возглавить экспедицию...

— Исключено, генерал! — твёрдо заявил Колесников. — На вас висит столько нерешённых проблем, что впору подыскивать вам третьего зама.

— Тогда предлагаю начальником экспедиции полковника Волконскую. Она заведует отделом контроля аномальных явлений, тридцать три года, историк по образованию, археолог, эксперт по палеоконтактам и прочее.

— Женщина... потянет? — с сомнением сказал Даниил Фотиевич.

— Эта потянет, — заверил Флоренский. — Мужик в юбке. Я имею в виду характер, пару раз сталкивался с ней, мы вместе ездили на Курилы во время японского мятежа. А так — красавица, глаза большие, зелёные, чуть ли не светятся, как у кошки, талия как у гимнастки, да ещё и умница, с любым общий язык найдёт.

— Одни достоинства, — хмыкнул Колесников. — Плохо я знаю свой контингент. Старее, что ли? Похоже, я её не видел ни разу.

— Она работает, — пожал плечами Звягинцев. — Пред очами высокого начальства не крутится. К тому же у неё есть ещё одно большое достоинство: она не замужем.

Флоренский засмеялся:

— Это не достоинство, Роман Семёнович, это настоящее бедствие для сотрудников отдела. Была бы уродиной, тогда всё было бы понятно, а тут такой раздражитель. Недаром говорят: лицо чиновника — эмблема его службы. У вас хорошее лицо, Роман Семёнович.

— Благодарю за комплимент, — проворчал Звягинцев.

Колесников нахмурился:

— Иногда лучше лечь в одну кровать с удавом, нежели с красавицей. Но к делу, товарищи генералы. Я не возражаю против этой кандидатуры. Кого ещё вы видите в составе группы?

— Нужны специалисты-физики, археологи, психологи. С физиками всё понятно, их будет четверо. Один из НИЦ в Королёве, Константин Филатович Венгер, физик-атмосферник, уфолог из Новосибирска Вяхирев и гидрометеоролог Рюмин из нашего радиоинститута в Томске. Есть специалист в области пограничной физики, но он не из нашей епархии.

— Какой физики? — не понял Колесников.

— Феноменальной, пытающейся объяснить явления, не укладывающиеся в ортодоксальные теории.

— Кто?

— Леонтий Хромов, работает в НИЦ «Курчатовский», известен нелинейной теорией вакуума и экспериментами в области спин-торсионных эффектов.

— Хромов? — удивился Флоренский. — Не брат ли Назара Хромова?

— Я не выяснял, чей он брат, — виновато развёл руками Звягинцев.

— Мир тесен, если это так. Но я бы ещё добавил к отряду хорошего айтишника. Без компьютерной базы вам не обойтись. Плюс оператор-инженер для управления дронами.

Звягинцев посмотрел на свой персональный планшет.

— Кандидатуры подбираются.

— Нужны также завхоз, проводники и охрана. Кстати, могу предложить помощь своими кадрами. Тот же Назар Хромов только что вернулся из командировки на Мальдивы.

— Я подумаю, — пообещал Звягинцев.

— Ещё много чего нужно, — сказал Колесников, пересаживаясь в своё кресло. — Подключить систему мониторинга Министерства обороны, спутники, создать вокруг озера оцепление, подвесить над ним беспилотники, установить канал снабжения, и так далее, и тому подобное. Присоединяйтесь к Роману Семёновичу, генерал (Флоренский кивнул). А я ещё подключу службу снабжения и транспортников. Но! Всё делать в обстановке строжайшей секретности, по уровню пять-пять! Если это и в самом деле НЛО...

— Понятно, — кивнул начальник Управления специальных операций.

Звягинцев промолчал. Мыслями он уже был на озере Виви.

Композиция 4

Невзирая на лица

Возвращение домой всегда приятно, особенно если твоя миссия выполнена успешно и ты возвращаешься с победой. Так было и на сей раз: Назар открывал дверь квартиры в хорошем настроении и не ждал от жизни никаких неприятных сюрпризов, по крайней мере в ближайшие пару дней.

Жил он в Митино, на улице Барышиха, в шестнадцатиэтажном доме с десятью подъездами, прозванном жильцами «Китайской стеной». Квартиру ему помог приобрести отец, член-корреспондент Российской академии наук, директор отделения ядерных реакторов научно-исследовательского центра «Курчатовский». Сам Назар замахнуться на такие затраты не рискнул бы, хотя последние пару лет, пройдя путь от младшего лейтенанта до капитана, зарабатывал неплохо.

Зато машину он купил себе на свои деньги — роскошный, навороченный, спортивного характера «Ягуар NR» тёмно-вишнёвого цвета, способный разогнаться до «сотки» за четыре секунды.

По стопам отца сын не пошёл. Окончил Московский институт иностранных языков, работал переводчиком при военных делегациях Министерства обороны, увлёкся изучением международных террористических организаций. В качестве хобби всю жизнь занимался воинскими искусствами (в секцию его привёл дядя, тренер по восточным единоборствам), и скоро уже Назар стал известен в кругу любителей боёв без правил, дважды становился чемпионом мира. Затем ему предложили работу в ФСБ, куда он и перешёл после долгих согласований соответствующих спецслужб.

Начал рядовым сотрудником центра по изучению изменённых состояний сознания, показал себя с самой лучшей стороны, так как обладал исключительной интуицией. Познакомился с заместителем начальника Управления спецопераций Горбатовым и уже через год окончил курсы повышения квалификации ФСБ, получив звание младшего лейтенанта. Ещё через год его послали в командировку в Бразилию, поскольку он наравне с английским, итальянским и немецким прекрасно знал испанский. И пошло-поехало, по шесть-семь вылетов за границу в год, четыре медали, два ордена и десяток спасённых жизней соотечественников, плюс ликвидация четырёх террористических банд.

Правда, отец об этом не знал, считая, что сын продолжает работать переводчиком в Минобороны. Зато он жалел, что Назар до сих пор не женился, хотя сам же приговаривал: вино должно настояться, а мужик — состояться.

Приведя себя в порядок после дороги, Назар переоделся в домашнее и, поскольку соскучился по отцу, так как не виделся с ним больше месяца, решил посвятить вечер встрече со старшим Хромовым.

— Привет, директор, — позвонил он ему. — Вам в центре лишние рты не нужны?

— Лишние не нужны, — засмеялся Федот Викторович. — Своих хватает. А что, со службы выгнали?

— Дали отпуск на две недели, вот и звоню кому попало.

Хромов-старший снова рассмеялся. Шутки он понимал и сам любил пошутить.

— Рад твоему настроению. Заедешь?

Вопрос был с подковыркой: отец давно разошёлся с матерью Назара, которая переехала на Украину, в Днепропетровск, и жил с другой женщиной, относившейся к Назару со странной ревностью и неприязнью, отчего он предпочитал чаще встречаться с отцом на нейтральной территории.

— Ты когда будешь дома?

— В восемь.

— Тогда я сразу выезжаю, пока по пробкам помотаюсь, как раз приеду в полдевятого. Что привезти?

— Ничего не надо, у меня всё есть, жду. — Федот Викторович положил трубку.

Размышляя над словами «у меня всё есть» (что бы это значило? Эльвиры нет дома?), Назар спустился в магазин под домом, купил коробку конфет «Столичные», торт, цветы и сел в свой «агрегат», вождение которого всегда приносило ему море удовольствия.

Федот Викторович Хромов жил на улице Генерала Бирюзова, в многоэтажке за решетчатым забором, рядом с трёхэтажным торговым центром «Пятая авеню», который окрестные жильцы называли проще — Пяткой.

Ровно в половине девятого Назар переступил порог отцовской квартиры.

Трёхкомнатная недвижимость Хромова-старшего не блистала роскошью, зато имела прекрасную библиотеку, полученную им от своего отца, деда Назара, хотя Федот Викторович и сам был страстным библиофилом, а поглядеть здесь было на что. Достаточно сказать, что маленький Назар с великим интересом изучал жизнь животных по книгам Брэма тысяча восемьсот девяносто восьмого года издания, а Пушкина читал по шеститомнику библиотеки великих писателей, не пугаясь дореволюционных «ятей» и «ижиц», изданному Брокгаузом и Ефроном в тысяча девятьсот седьмом году.

Хромов-старший был один. Переодевшись в любимый летний халат с ящерицами (ещё мама дарила), он возился в коридорчике, переставляя на полках книги.

— Проходи, я сейчас, — сказал он, стоя на лестнке, — только Бунина найду.

— Читать собираешься? — полюбопытствовал Назар, прислушиваясь к бормотанию телевизора и гадая, дома ли жена отца. — Ты же всех классиков перечитал.

— Хочу вспомнить его стихи, настроение улучшают.

— А где Эльвира... э-э, Эдуардовна?

— Совершает вечерний моцион. — Федот Викторович, седоватый, полный, добродушный, как медведь-панда, слез с лестнки, держа в руке коричневый томик собрания сочинений Бунина, обнял сына, подтолкнул в гостиную. — Обещала быть не позже десяти.

— Ага, а я тут цветы и конфеты... извини, что без мороженого.

— Так ведь и детей нет, если ты фильм^[6] вспомнил. Проходи, не стесняйся, она бы тебя не укусила, если бы дома была.

— Да я укусов змей не боюсь.

Федот Викторович нахмурился:

— Эльвира — хорошая женщина, не смей так шутить.

Назар виновато поёжился:

— Извини, пап, это я не со зла... А мне орден обещали...

— Это хорошо, — смягчился Хромов-старший, отбирая у сына пакеты, цветы, отнёс на кухню, предложил: — Поужинаешь? Есть твой любимый салат из брокколи с яблоками, куриные котлетки.

— От салата не откажусь. — Назар невольно проглотил слюну; он действительно любил

салаты из овощей и фруктов, к которым приучила его мама в детстве, и, как видно, отец не забыл об этой его страсти.

— А котлеты?

— Эльвира готовила?

— Ну и что?

— Пару съем.

— Тогда проходи на кухню, там и поговорим. — Федот Викторович начал орудовать у электрической плиты, доставать сковородки, тарелки и прочее. — За что орден дали?

Назар сел спиной к окну, приглядываясь к убранству кухни; кухонный гарнитур Хромовых остался тот же, но убранство кухни стало другим, появилось много цветастых вазочек, стаканчиков, подвесок, подставок и наклеек на холодильнике. При маме кухня выглядела проще и функциональней.

— Так за что орден? — напомнил отец.

— За непричинение большого ущерба государству, — пошутил Назар.

— А серьезно?

— Я здорово помог нашим мидовцам на Мальдивах.

— На Мальдивах? — удивился Федот Викторович. — Ничего себе, тебя занесло! И что там делали мидовцы?

— Людей спасали.

— Это благородное дело. Ну, и как тебе Мальдивы, понравились?

— Да в общем ничего особенного, жарко, муссоны... хотя вода в море чистая и кормят хорошо. Кокосов свежих много. В отпуск я бы туда не полетел. Там в общем-то и смотреть не на что, никакой экзотики, археологии ноль, памятников старины нет, коралловый песок да пальмы.

— Если хочешь экзотики, махни на Бали, мы с Эльвирой были в прошлом году, жили в отеле «Мулиа», шикарный отель, подводная охота, парапланы.

— Ты рассказывал.

— Или слетай в Японию, полюбуйся на бамбуковый лес в Сагано. Изумительное зрелище! Десятки тысяч идеально выстроенных деревьев! Ровная щётка! Сеть мелких каналов. Очень красиво! Либо устрой экскурсию в Пиннакас, посмотри на скалы Намбунга, почувствуешь такую мощную энергетику!

— Где это — Пиннакас?

— Пустыня в Австралии. — Отец выключил конфорку, быстро сгрузил котлеты на тарелки. — Ешь, я с тобой. Вот салат, майонез, соль, хлеб. Может, винца глоток? Есть «Гварцителли», «Айсвайн».

— Благодарю, ты же знаешь, что я не употребляю.

— Ну, я тоже не алкологик, — прищурился отец. — Но выпью, давно вместе не сидели. Он достал бутылку «ледяного» вина, налил в бокал, поднял:

— За тебя!

Назар ответил ему кивком.

Федот Викторович выпил.

— Отменное винцо! Даже жаль, что ты не ощущаешь вкуса этого божественного напитка. В Боливии бывал?

Назар улыбнулся. Русскому спецназу делать пока в Боливии было нечего.

— Нет.

— Там есть солончак Уюни, недалеко от озера Титикака, сказочное место. Единственное на Земле в своём роде высохшее солёное озеро, заставленное солевыми пирамидками и конусами. Такое впечатление, что они сделаны искусственно. Прямо инопланетный пейзаж.

— Ты там был? — недоверчиво спросил Назар, принимаясь за еду.

— Я нет, был мой сотрудник Веня Губарев. А я зато был в Японии...

— В Сагано.

— И в Сагано тоже, нас после конференции по ядерной энергетике в Нагасаки возили по значным местам, сначала в Сагано, потом на остров Хасима, остров-рудник, закрытый ещё в прошлом веке. Впечатления потрясающие! Недаром он был внесён в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

— Да я не возражаю, пап, — сказал Назар, — на Земле много интересных мест, только не все они доступны. Моя служба не разрешает мне покидать пределы Родины.

— Ты же на Мальдивах был.

— Да, но в составе спецконтингента. — Назар хотел добавить: и под другой фамилией, но не стал. — Так что поеду я, скорее всего, в Сочи или в Крым. Сервис там сейчас на высоте.

— Один поедешь? — с надеждой на другой ответ спросил Федот Викторович.

— С компанией, — засмеялся Назар. — Может, кто из девчонок знакомых присоединится.

— Своей половины, значит, не нашёл.

— Ищу по уму, сам же советовал.

— Я советовал — по сердцу и уму, — проворчал отец. — А если ты умнее всех — кто поймёт? Ладно, я брюзжу просто, ты ещё в свои двадцать девять не безнадёжен. Кстати, если ты в отпуске, рекомендую на пару дней слетать в Питер, на фестиваль «Белые ночи». Мы с Эльвирой собираемся, можешь с нами поехать, на «Сапсане», всего три часа в пути. Гергиев обещает собрать в Мариинке звёзд уровня Нетребко и Лопаткиной.

— Подумаю, — после небольшой паузы пообещал Назар: ехать с новой женой отца в Санкт-Петербург ему не хотелось.

Отец понял его чувства, перевёл разговор на другую тему:

— Рассказал бы, как живут на Мальдивах. Игиловцы туда ещё не добрались?

— Игиловцы нет, а сливки общества — да, и наших полно.

— Ну, радикальных исламистских отмороzków теперь везде полно, они способны взорвать себя в любом райском уголке и даже на Луне. Веня Губарев утверждает, что халифат есть зародыш конца цивилизации, и я ему верю. Это ящер, убийца, он обезглавливает, распинает и взрывает, обращает в рабство и готов погибнуть в «священной» борьбе против «неверных», то есть против всего человечества, по сути. А что ты там говорил о сливках?

— Видел компанию из России — сопливые юнцы в золотых цацках и при золотых мобильниках. Хвастались, сколько они тратят в день не заработанных ими денег.

— Ну, это не «сливки общества», а «смывки», они всегда кичатся несправедливо нажитым и вседозволенностью. Их действительно можно встретить где угодно. Стыд в обществе потерян, понятие чести и бесчестья не устарело, а исчезло за ненужностью. И ведь это не лечится... Раньше говорили в застолье: спой что-нибудь для души! И кто-то, не кобенясь, затягивал песню, которую подхватывали все, и души их соединялись. А что сейчас?

— Сейчас тоже поют.

— Ты слышал — что именно? «Ты целуй меня везде, восемнадцать мне уже».

Назар засмеялся:

— Это старая песня, нынче поют: «Уходи и дверь закрой, у меня теперь другой». Хотя встречаются и нормальные русские песни, задушевные, в нашей компании хотя бы. Ты же понимаешь, что в кого заложили, то и выходит наружу. А вы с мамой нас правильно воспитывали, поэтому меня лечить не надо.

Федот Викторович улыбнулся:

— Лечить не надо, а зуб тебе в детстве пришлось-таки менять.

— Так то друг детства выбил, на тренировке. С зубами у нас у всех проблемы. В остальном же всё хорошо, не надо по врачам бегать.

Хромов-старший погрузился:

— Мне мой двоюродный братец пишет, погибает народ в глубинке. В результате так называемых реформ ликвидировали медпункты и больнички в сёлах, фельдшерско-акушерские пункты, роженицам теперь приходится ездить за сотни километров в городские больницы. Ну, уничтожают медпомощь на корню, и только.

Назар кивнул. Брат отца дядя Митрофан жил в деревне Кореничено, Старицкого уезда, Тверской губернии, и знал проблему не понаслышке: сноха дяди не успела доехать до Твери, рожала по дороге и умерла во время родов.

— Я читал в АиФе, что у нас более двадцати тысяч населённых пунктов вообще не имеют медицинского обслуживания. Жители действительно не успевают добраться до больниц за десятки и сотни километров, мрут по дороге. А министр здравоохранения браво докладывает президенту об открытии очередного супермедицинского центра!

— Всё правильно, сынок, кому-то выгодно, чтобы россияне вымирали. Нам-то не страшно, мы в столице живём, кто-нибудь да приедет по вызову, хотя и у нас сократили целые отделения в сотнях больниц. Однако не будем о грустном. Не народ управляет страной и даже не президент.

— Ты ещё добавь — олигархи.

— А что, разве не так? Да как их ни называй — это нелюди в человеческом обличье! Со времён Древней Греции известно, что олигархия — самый гнусный, самый людоедский, самый античеловеческий режим! А чиновники типа наших министров здравоохранения, образования и культуры изо всех сил дуют в паруса гигантских яхт народоубийц, пытаются быть такими же и купаться в роскоши.

Назар засмеялся:

— Эк тебя достали проклятые олигархи. Небось сократили финансирование на какой-нибудь проект? Впрочем, мы с тобой два сапога — пара. Ты ощущаешь мир абсолютно так же, как и я.

— Так ведь я не ради красного словца критикую власть, я добра хочу своему народу. Кто за него заступится кроме нас?

— Согласен, только армия и ядерный центр. Шучу. Но такие проблемы за кухонным столом не решаются, пап, только портят настроение.

— Что ж, будем считать, что ты уже начал думать, — улыбнулся Федот Викторович, наливая в чашку кипятка. — Заварки свежей у меня нет, только пакетики, тебе какой?

— С эхинацеей есть?

— А как же, для тебя берегу. — Федот Викторович подал сыну коробочку с изображением цветка эхинацеи. — А я обычный чёрный пью, он тоже неплохо снимает

напряжение. Конфеты?

— Варенье.

— Твои вкусы не меняются. — Федот Викторович достал банку с черносмородиновым вареньем.

— Зачем менять то, что полезно и приносит удовольствие?

— Тем более что во все конфеты теперь суют пальмовое масло, — подхватил Хромов-старший. — Ну что, пойдём в зале посидим?

— Давай помогу убрать со стола.

— Не надо, я потом сам уберу.

Перенесли в просторную гостиную, стены которой представляли книжные стеллажи, чашки с чаем и вазочки с вареньем, и Назар устроился на любимом диване. Он никуда не торопился, проблемы временно отступили, и ему было хорошо.

Федот Викторович сходил на кухню, вернулся с бокалом вина.

— Побалую язык, пока никто не ругает за пьянство.

— Можно интимный вопрос? — спросил Назар.

— Валяй, — кивнул благодушно настроенный отец.

— Почему вы разошлись с мамой? Ты никогда не объяснял.

На лицо отца легла тень. Он сделал глоток, помолчал.

— Когда муж и жена — Близнецы по западному календарю, это всё равно что в семье четыре разных человека, поэтому уживаются они редко. Мы не смогли.

— Не сошлись характерами?

— Как раз сошлись, во многом смотрели на мир одинаково, но и разного было много. Мне что-то казалось... ей что-то... ревновали, ссорились...

— Зря ревновали?

Федот Викторович поиграл бровями, разглядывая бокал, наметил улыбку.

— Я не ловелас, сынок, если ты об этом. Но кто доставляет себе страдания, отказывая в том, чего желает, тот является таким же грешником, как тот, кто не отказывает. Кажется, Екклезиаст сказал... а может быть, не он.

Назар понимающе усмехнулся:

— Ответ философский, понимай как хочешь.

— Надеюсь, ты поймёшь правильно. — Федот Викторович поднял бокал. — За прекрасных дам и других мифических персонажей!

Сделал глоток.

Назар ответил, подняв чашку с чаем рубинового цвета.

Посидели, поглядывая друг на друга.

— Осуждаешь? — спросил наконец отец небрежно.

Назар понял его состояние. Эльвира была моложе мамы на пятнадцать лет и очень красива, но Хромов-старший не мог забыть счастливых лет, прожитых вместе с мамой Назара Катей, и очевидно жалел, что они разошлись.

— Нет, — ответил Назар искренне. — Не осуждаю. Не имею права. Это было обоюдное решение. Но я люблю вас одинаково обоих.

Федот Викторович допил вино, вышел на кухню и вернулся с новой чашкой чая, сел рядом.

— С Леоном видишься?

— Редко, — признался Назар; с братом он действительно не встречался с начала года,

хотя тот жил в Москве, а не в другом городе.

Леонтий Хромов был старше его на шесть лет, работал в ядерном центре на Курчатова и слыл главным специалистом Академии наук в области суперструнных теорий. После распада семьи он переселился на съёмную квартиру, потом после смерти бабушки переехал в её скромную комнатуху на улице Зорге, в старую «хрущёвку» с тремя соседями, да так там и остался. Будучи анахоретом по натуре, в особых удобствах Леонтий не нуждался, главным для него были не бытовые условия, а работа в Курчатовском НИЦ и возможность заниматься наукой. Развод отцу он не простил и в его доме не появлялся годами.

— Навестил бы, как он там... — Федот Викторович криво улыбнулся. — Не звонит, не советуется...

— Да у него вроде бы всё нормально... — Назар не договорил, клипса мобильного коммуникатора в ухе сыграла мелодию Штрауса. Назар глянул на экранчик смартфона, высветивший номер абонента, поднял брови. — Да вот и он сам лёгок на помине... слушаю, братишка.

Федот Викторович встал было, но сел снова, вопросительно и удивлённо глядя на сына. Покрутил головой:

— Надо же... словно чувствует, что мы о нём говорим.

— Назар, ты где? — раздался журчащий ручейком голос Леонтия; в детстве он хорошо пел.

— В Москве, у отца. Мы как раз тебя вспоминали. Не хочешь к нам присоединиться?

Леонтий помолчал.

— Я... дома... ты мне нужен.

— С удовольствием пообщаюсь. Сегодня, наверно, уже поздно? Завтра могу.

— Нет, сейчас... — Леонтий снова выдержал паузу. — Срочно.

Назар насторожился. Мало обращавший внимание на неприятности, импульсивный, открытый Леонтий никогда не говорил таким странным тоном.

— Что случилось?

— Приезжай побыстрее, объясню. — Брат выключил телефон.

Назар посмотрел на отца.

— Что-то произошло, но говорить не хочет, просит приехать.

— Я с тобой! — засуетился Федот Викторович.

— Не лучшее решение, — покачал головой Назар. — Я попробую уговорить его приехать к тебе. Если ему нужна помощь, при тебе он не станет ничего просить.

Федот Викторович погас, дрожащей рукой пригладил волосы.

— Ты прав, он перестал со мной общаться. Узнай, что у него за проблема, и позвони, я всегда помогу.

— Позвоню. — Назар допил чай и расстался с отцом, размышляя, зачем он понадобился брату так внезапно.

Старая девятиэтажка Леонтия Назарова была окружена строительной техникой: дорожники ремонтировали проезды и укладывали новый асфальт, — поэтому машину удалось припарковать только у соседнего дома. Назар направился к подъезду, чувствуя, что к ночи похолодало, и жалея, что не надел куртку. Наткнулся на человека, в котором с удивлением узнал брата.

— Леон?! Привет! Что ты тут делаешь?

Леонтий шархнулся прочь, потом узнал Назара, бросился к нему, сжал руку.

— Как хорошо, что ты приехал! Не знаю, как быть!

Одет он был в обычный клатч-костюм клерка — курточка на белой футболке с изображением тигра, и выглядел подростком, несмотря на то что был старше Назара. Бриться Леонтий ленился, зарастая иногда щетиной до нелюбимого Назаром состояния «йети», примерно как в настоящий момент, а всклокоченная шевелюра, не знавшая расчёски, и очки превращали его в студента, проспавшего всю весеннюю сессию.

— Что случилось?

Радость Леонтия угасла, он отвёл глаза в сторону.

— Понимаешь, они замок сменили.

— Кто они?

— Соседи... кавказцы...

— Какие ещё кавказцы? Идём к тебе, расскажешь подробней.

— Мой ключ не подходит... они замки сменили... не думал, что до этого дойдёт.

Назар взял брата под локоть, почуяв, что он дрожит, усадил на лавочку у подъезда.

— Рассказывай.

— В общем, у меня здесь комната... бабушкина...

— Я помню. Сколько раз я тебе предлагал продать её и купить нормальную двушку.

— Обещали снести дом... расселить... да и денег таких нет, чтобы двушку купить.

— Отец бы помог, я, родные.

Леонтий сморщился.

— Не привык я просить.

— Ну и дурак! Так что произошло?

Леонтий вздохнул и, запинаясь, глотая окончания слов, поведал свою историю конфликта с соседями.

Корнями эта история уходила в начало века, когда родился бизнес чёрных риелтеров. Бандиты с целью «принуждения к сделке», чтобы люди добровольно освобождали свои доли квартир, подселяли на спорную жилплощадь «бригаду» парней, преимущественно с Кавказа, и те устраивали в квартире филиал маленького бытового ада, заставляя соседей либо продавать свою комнату по цене в четыре-пять раз дешевле рыночной, либо выкупать оставшуюся жилплощадь, но уже в пять раз дороже.

Практически то же самое произошло и с Леонтием, хотя он никогда не жаловался на своё жильё.

От бабушки ему досталась комната в трёхкомнатной квартире «хрущёвского» типа, и в один прекрасный момент в квартире объявились горячие кавказские парни, вынуждая его совершить сделку по известной криминальной схеме. Он отказался, комната его устраивала, жил он один, не думая о женитьбе, да и дома появлялся только чтобы провести ночь, три месяца терпел издевательства «бригады» и старался как можно меньше бывать на своей территории. И вот его впервые не впустили в квартиру, заменив замки.

— В полицию обращался? — спросил Назар, раздумывая, стоит ли вмешиваться, и прикидывая соотношение своих средств и возможностей.

— Обращался, — уныло кивнул Леонтий. — Участковый сказал — побесятся ребята и прекратят. Посоветовал продать комнату.

— Деловой. Или в доле. Им нужна твоя жилплощадь, чтобы продать потом всю квартиру дороже.

— Понимаю...

— Сколько их?

— Было трое.

— Пошли. — Назар вскочил, подал руку брату.

Леонтий сделал шаг к двери подъезда, но остановился.

— Мы же не войдём, дверь закрыта.

— Ничего, попытаемся, позвонишь и крикнешь — вещи хочу забрать!

— Они психи без тормозов, из кухни выталкивают, ножи кидают, я даже пистолет видел.

— Странно, вроде бы времена другие настали. Пистолет, говоришь? Это хорошо.

— Может, лучше полицаев вызовем? Тебе поверят.

Назар рассмеялся:

— У меня на физии написано, что мне можно верить?

— Ты же чекист, у тебя корочки красные.

— Ладно. Сначала сами попробуем.

Вошли в подъезд, поднялись по лестнице на третий этаж. Назар встал сбоку от обитой деревянными планками двери квартиры брата, чтобы его не было видно в дверной глазок.

— Звони.

Леонтий нажал кнопку звонка. Из квартиры донеслось приглушённое мяуканье. Доносившаяся изнутри музыка стихла. Но к двери никто не подошёл.

Назар кивнул.

— Звони, пока не откроют.

Леонтий начал нажимать на кнопку. После пятого мява из-за двери донёсся гортанный голос:

— Чего надо?

— Это Леон... откройте... вещи заберу.

— Какие ещё вещи?

— Мне рубашка нужна... и лекарства, — нашёлся Леонтий.

— Тебе дали три дня на размышление. — Говорил с акцентом, так что не приходилось сомневаться в национальности соседей Леонтия.

— Я ещё не решил...

— Вот когда решишь — приходи.

— Но я тут живу!

— Это ты своей бабе скажи.

— Козлы! — сорвался Леонтий, забарабанив по двери кулаками. — Козлы волосатые!

Откройте! Я полицию вызову!

Назар усмехнулся про себя. Брат случайно произнёс слово «козлы», всегда почему-то приводящее в неистовство аллахакбаровскую братию. Они должны были отреагировать.

Они и отреагировали.

Загремела щеколда, провернулся ключ в замке, дверь открылась. На лестничную площадку шагнул молодой кавказец в чёрно-серой майке с рисунком виселицы и чёрных трениках, бородатый, с густыми бровями и характерным восточноазиатским загаром. Нос у него был прямой, длинный, нависавший над узкими прямыми губами.

— Ты что сказал, падла?! Я же тебя на куски покрошу!

Назар вышел из-за двери и нанёс короткий удар в спрятанную под бородой челюсть парня.

Кавказца унесло в прихожую. Пролетев по воздуху пару метров, он влип спиной в

вешалку и свалился на загаженный пол, потеряв способность соображать.

Назар скользнул за ним, прислушиваясь к голосам за дверями комнат и разглядывая неуютный, заваленный скарбом, грудями каких-то вещей и коробок, коридор «хрущёвки». Пахло здесь кожей, потом, мочой и жареным луком.

Из-за двери ближайшей справа по коридорчику комнаты выглянул ещё один парень кавказской национальности, помоложе, с небольшой бородкой и татуировкой на шее, но не в серой майке, а в голубой футболке и синих тренировочных штанах с раздутыми коленями. Глаза его расширились: он увидел приятеля на полу в прихожей и гостя в двух шагах от себя.

— Т-ты к-кто?.. Чего тут?.. Бакыр, вставай... ах ты, сука! Обух, наших бьют!

Парень прыгнул к Назару, вытаскивая ниоткуда, буквально из воздуха, нож и целя в лицо капитана.

Назар отклонился ровно на столько сантиметров, чтобы лезвие ножа прошло мимо щеки, перехватил руку парня, выбил нож и, продолжая движение, используя инерцию выпада, выкрутил руку нападавшего и бросил его через себя в стену коридорчика, сбивая висящее на стене корыто.

Вскрик, грохот, стук рассыпающихся коробок, тишина.

Назар нагнулся, подобрал нож — самодельный, хорошо заточенный, с массивной металлической рукоятью.

Из туалета слева по коридору выбежал ещё один молодой парень, белый, славянской внешности, с петушиным гребнем из волос на бритой с висков голове, накачанный, с мясистым складчатым затылком. На нём были только чёрные шорты, да и те не застёгнуты.

Обстановку он оценил быстро, метнулся в комнату, и Назару пришлось ускоряться, чтобы пресечь попытку жильца взяться за оружие.

В комнате царил неопиcуемый бедлам, словно здесь жили не люди, а стадо обезьян. И запахи в ней стояли не приятнее, чем в псарне.

Здоровяк сунул руку под диванный валик, и Назар метнул нож — особым вывертом, чтобы попасть в цель не лезвием, а рукоятью.

Расчёт оказался точен. Нож врезался в складчатый загривок мужика, тот хекнул и сунулся носом в диван, не успев до конца вытащить пистолет.

Назар подошёл, двумя пальцами вынул из его ослабевшей руки пистолет, старенький «макаров», для верности выщелкнул обойму, проверил патрон в стволе, замотал пистолет в полотенце, лежащее на диване. Рывком за майку поднял здоровяка на ноги, вывел в коридор, мычащего, толчком в спину послал к приятелю в синих трениках. Туда же притащил за руку первого «джигита». Впустил Леонтия:

— Заходи.

Брат круглыми глазами уставился на парней, сидящих и лежащих на грязном полу коридора.

— Ты их... отколошматил?!

Назар усмехнулся, протянул ему свёрток с пистолетом.

— Положи пока в свою комнату. Ты говоришь так, будто это они тебя защищали, а я над ними надругался.

Леонтий смутился:

— Да нет, я просто не предполагал...

— Что?

— Что так запросто...

Назар нагнулся к самому старшему из троицы — бородачу в серо-чёрной майке, пошлёпал его по щекам.

Бородач очнулся, открыл мутные глаза, дёрнулся, но капитан упёр ему в шею кулак.

— Лежи смирно. Фамилия, имя.

Бородач дёрнулся сильнее, пытается встать.

Назар надавил на адамово яблоко «джигита».

— Шею сломаю! Имя, фамилия! Третий раз спрашивать не буду.

— Мирзоев... Ризван...

— Чечня, Дагестан?

— Ингушетия...

— Ты тут главный?

— Ну...

— Отвечай!

— Я.

— Кто вас сюда поселил?

— Мы сами... живём давно... временный подселений...

— Не ври, я был здесь в марте, вас не было. Сказки о временной регистрации будешь рассказывать следователю. А от степени твоей искренности будет зависеть твоя дальнейшая судьба. И здоровье. Кто вас сюда подселил?

Бородач бросил взгляд на лежащих рядом приятелей.

— Макаров...

— Тот здоровяк с петушиным гребнем?

— Не-е... это Обух... Макаров главный...

— Кто он такой, ваш Макаров?

— Участковый.

— Врёт, — сморщился Леонтий. — Фамилия нашего участкового Дервянко.

— Макаров сам бывший мент...

— Организовавший бизнес по «выдавливанию» клиентов со спорной жилплощади, так?

Ладно, разберёмся. Где его можно найти?

— Не знаю...

Назар надавил на кадык парня так сильно, что у того вылезли глаза.

— Он тебя замочит! — прохрипел бородач.

— Ну, это мы ещё посмотрим. Леон, зайди к ним, поищи мобильники, я ознакомлю с их содержимым кое-кого из прокуратуры.

— Мы тебя... все равно...

Назар ткнул в шею Мирзоева костяшками пальцев, бородач закатил глаза, перестал извиваться.

Зашевелился фактурно разрисованный и постриженный качок, которого Мирзоев называл Обухом. Он оказался стоворчивее кавказца, сразу прочувствовав силу допрашивающего. На вопрос Назара: где можно найти Макарова? — Обух ответил:

— Мы не знаем, где он живёт, общались только по телефону да пару раз встречались у метро «Краснопресненская».

— Номер телефона помнишь?

— Не-а...

Назар замахнулся, и Обух испуганно отшатнулся, втягивая голову в плечи, ударился

спиной о корыто.

— Баблом клянусь, не знаю!

Леонтий принёс три мобильных телефона: два несвежих «Самсунга» и один крутой, навороченный «Смарт» в платинового цвета футляре.

По тому, как сверкнули глаза Обуха, Назар понял, что всей троице есть что скрывать.

— Твой? — показал он смартфон.

Здоровяк замотал головой:

— Ризвана...

Назар привёл в чувство бородача.

— Телефон Макарова!

— Мы... тэбэ... голову...

Назар дёрнул бородача за мочку уха с такой силой, что тот взвыл.

— Телефон Макарова! Ещё раз повторю вопрос, и тебе придётся долго лечиться!

— Девятьсот восемьдесят... четыре шестёрки...

— Крутые номера у бывших ментов, — бледно улыбнулся Леонтий. — Что ты собираешься делать?

— Позвоню, приглашу на randevу, объясню ситуацию.

— Ты нэ панимаэш, с кем связался, — прохрипел бородач.

Назар покачал пальцем перед его носом:

— Это ты не понимаешь, подонки, с кем тебя свела судьба. Леон, скотч есть?

— Не знаю. — Леонтий сконфузился под взглядом брата, заторопился к себе. — Сейчас поищу.

Скотч нашёлся.

Назар связал всем троим «джигитам» руки, усадил на полу спинами друг к другу, набрал номер телефона заместителя начальника Управления:

— Товарищ полковник, Хромов. Не поздно?

— Что так официально, капитан? — добродушно спросил Горбатов.

— Есть проблема. На моего брата наехала банда «гостей с юга», их подселили к нему, чтобы вынудить продать долю в трёхкомнатной квартире. Сменили замки, по сути выгнали на улицу, угрожают. Я их задержал, теперь хорошо бы отправить в «обезьянник» на пару дней, пока я буду искать главаря.

— Оно тебе надо, капитан? Вызови полицию, объясни причину инцидента.

— Это их не остановит, их бугор — бывший мент.

Горбатов помолчал:

— Не надо было тебе в это дело ввязываться.

— Уже ввязался. И если этим подонкам не давать отпор, на голову сядут.

— Ладно, жди, свяжусь кое с кем, помогут. Говори адрес.

Назар продиктовал.

— Приедут из области, позвони потом.

— Спасибо, товарищ полковник.

— Ну, что? — поинтересовался Леонтий, когда разговор закончился.

— Сейчас заберут твоих обидчиков. Но проблему надо решать радикально.

— Как?

Назар присел на корточки перед бородачом Мирзоевым.

— Вами будут заниматься другие люди, гусь залётный, но запомни одно: как бы дело ни

повернулось, сюда возвращаться не советую. Резать людей будешь в своём ауле, если тебе позволят это делать. Я же со своей стороны обещаю: возникнешь на моём горизонте — не пощажу! Как понял?

Бородач оскалился:

— Ты кто такой вообще?! Крутой, да?! Мы крутых на рэмни рэжем!

Назар поморщился:

— Значит, не понял. — Поймал ухо бородача, дёрнул вниз, едва не сломав ему шею; Мирзоев охнул. — Тебя за одни угрозы лет на пять упекут! И главаря я вашего достану, не скроется.

Раздался звонок в дверь.

Назар выпрямился, посмотрел на часы.

— Что-то они рано приехали... открой.

Леонтий бросился к двери, заглянул в глазок.

— Двое... мужик и женщина... молодая...

— Женщина? — Назар на всякий случай привёл себя в боевое состояние, открыл дверь. — Вам кого, граждане?

Гости на лестничной площадке переглянулись.

— Вы Хромов? — неуверенно проговорила женщина, красивая шатенка с пепельного цвета волосами, стройная, зеленоглазая, с яркими ненакрашенными губами. Одета она была в серо-серебристый летний костюм: юбка до колен, курточка, белая блузка, туфли на высоком каблуке, удлиняющие стройные лодыжки, сумочка-клатч.

Её спутник выглядел харизматичным напарником, предназначенным сопровождать, защищать, пресекать, вызывать если и не страх, то уважение. Черноволосый, со стрижкой «милитари», прямоносый, с серыми стальными глазами и мощной челюстью, он был олицетворением закона наподобие американских копов. Не то чтобы особо мускулистый, он был выпукло-мясистым и олицетворял собой некую непреодолимую служебную силу.

— Мы оба Хромовы, — покосился на брата за спиной Назар. — Какой именно вам нужен?

— Леонтий Федотович.

— Это я, — сказал Леонтий.

— А вы кто? — вежливо полюбопытствовал Назар.

Женщина достала из сумочки удостоверение, раскрыла.

— Полковник Волконская. Это капитан Кружилин.

— Как интересно, — хмыкнул Назар, бросив взгляд на разворот удостоверения. — Кажется, мы в одной конторе служим?

— Вы?

— Капитан Хромов, Назар, УСО.

Гости снова переглянулись.

— Может, впустите? У нас разговор к вашему брату.

— Проходите, — отступил Назар. — Только не пугайтесь, тут у нас случились небольшие разборки с соседями, ждём конвой, чтобы отправить всех в СИЗО.

Гости вошли в коридор, остановились, разглядывая сидящих на полу «джигитов».

— Что здесь произошло? — спросила Волконская; ноздри её носа пошевелились, она ощутила запахи квартиры.

— Извините за свинарник, товарищ... как к вам обращаться, по званию или...

— Ефросинья Павловна.

— Фрося, — расплылся в улыбке Леонтий, споткнулся о колючий взгляд спутника Волконской, стёр улыбку с лица. — Извините...

— Чёрные риелторы, — кивнул на троицу Назар. — Пытаются заставить брата продать часть квартиры, его долю, за смешные деньги. Не обращайтесь на них внимания. Леон, проводи гостей в свои апартаменты.

Массивный спутник Волконской оторвал взгляд от «джигитов», оценивающе глянул на Назара, и тот вдруг почувствовал, что этого человека надо опасаться.

Леонтий проводил пару в свою комнату.

Раздался ещё один звонок в дверь.

Интуиция подсказала, что приехала обещанная Горбатовым помощь.

Назар открыл входную дверь.

На лестничной площадке ждали пятеро: мужчина в гражданском костюме, хмурый и недовольный, и четверо парней в форме ОМОН.

— Капитан Хромов? — спросил мужчина.

— Он самый.

— Капитан Калюжный, Красногорский ОББ.

— Очень приятно.

— Клиенты с вами?

— Забирайте, — отошёл в глубь коридора Назар.

Парни в камуфляже заученно вскинули оружие, скользнули в квартиру, осматриваясь.

Капитан Калюжный проследовал за ними.

— Мы трэбуэм адвоката! — зло проорал Мирзоев.

— Будет вам адвокат, — равнодушно пообещал Калюжный, приносиваясь. — Ну и запашок! Выводите.

Назар протянул капитану нож и свёрток с пистолетом.

— Это их ствол и перо.

Из комнаты Леонтия выглянул насупленный спутник Волконской, оглядел компанию, скрылся.

— Кто это? — бровями показал на дверь Калюжный.

— Контора, — сказал Назар.

Капитан кивнул, хотя вряд ли понял, что за «контору» представляет выглянувший верзила.

Притихших «выживателей» вывели из квартиры.

— Куда повезёте? — спросил Назар Калюжного.

— Приказано доставить в УВД СЗАО, разбираться будете сами. Напишите заяву, обрисуйте поведение этих отморожков.

— Подождите минуту.

Назар зашёл в комнату Леонтия, в которой тоже царил бардак, но иной, по сравнению с беспорядком в других комнатах, интеллигентски-информационный.

— Прошу прощения, дамы и господа, Леон, выйди.

— Что ещё? — нахмурился спутник Волконской, не пожелавший сесть, в то время как она присела на краешек дивана. Голос у него был низкий и доносился словно из погреба.

— Мои намеренья прекрасны, — одарил его детской улыбкой Назар. — Мы только покурим гашиш.

Леонтий фыркнул, выходя к нему.

— Напиши объяснительную записку для органов. Опиши всё, что было, как они издевались, угрожали, вели себя нагло, по-хамски, упомяни главаря, бывшего мента, и всё такое прочее.

Леонтий вернулся в комнату и не выходил пять минут.

Назар и капитан Калюжный за это время успели сказать три слова, два Назар: холодно на улице? — одно капитан: тепло.

Леонтий принёс сочинение.

Калюжный бегло прочитал текст, кивнул, свернул листок бумаги и вышел со словами:

— Всего хорошего.

— Сердитый мужик, — сказал Леонтий.

— Будешь сердитым, от ужина небось оторвали. Приказ выполняет. По своей инициативе он вряд ли сюда заглянул бы. Чего хотят гости?

— Да мы ещё не успели объясниться. Пойдём, поговорим.

— Они не станут при мне говорить.

— Без тебя я сам с ними не стану ляды точить.

— Ладно, давай пообщаемся с чекистами.

Гости скрестили на вошедших вопросительные взгляды.

— Леонтий Федотович, у нас нет вопросов к вашему брату, — проговорила Волконская.

— Без него разговор не состоится, — заявил физик.

— Капитан, вообще-то вам лучше побыть за дверью, — сказал спутник Волконской.

— Он останется! — упёрся Леонтий. — Либо разговора вообще не будет. Я не служу в вашей ЧК.

Волконская улыбнулась:

— Меня предупреждали, что у вас тяжёлый характер.

— Потому что золотой.

— И шутить вы умеете.

— Его вывести? — боднул воздух лбом Кружилин, мрачно глядя на Назара.

— Попробуй, — усмехнулся Назар.

— Отставить, капитан, — сухо сказала Волконская. — Пусть слушает, всё равно они потом будут обсуждать наш визит. Только предупреждаю, капитан Хромов, разговор сугубо конфиденциальный, разглашение информации чревато.

— Я давно так работаю, — пожал плечами Назар.

— Тогда слушайте, только присядьте, разговор не минутный.

Леонтий сгрёб с дивана книги, стопки дисков, кассеты, флэшки, наушники, освобождая место, повернул к Волконской разлапистое кресло со множеством приспособлений, напомнившее Назару зубоврачебное.

— Присаживайтесь, удобно.

Волконская пересела, братья устроились вместе на диване.

— Вы что-нибудь слышали об исчезновении самолёта?

Леонтий посмотрел на брата, наморщил лоб.

— Я телик не смотрю... Где? За бугром?

— Я тоже не слышал, — признался Назар. — Только что из командировки.

— Тогда слушайте. — Волконская начала рассказывать о появлении над территорией России объекта, получившего условное название Динло.

— Как? — не понял Назар.

— Динло, аббревиатура слов «дикий неопознанный летающий объект».

— Почему дикий?

— Сейчас узнаете.

Рассказ длился четверть часа.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Телескоп, использующий линзовую систему.

МАГИС — меридианный, автоматический, горизонтальный инструмент (телескоп).

Имеется в виду азимутальный телескоп АЗТ-10 Бюраканской обсерватории (Армения).

Вотермелон — фреш из арбуза.

Индоарийский, близкий к сенегальскому.

Фильм «Бриллиантовая рука», знаменитая фраза героя Папанова: «Бабе цветы, детям мороженое».